

К ИСТОКАМ ЦАРСКОЙ ВЛАСТИ В ХРИСТИАНСКОМ МИРЕ: МОДЕЛЬ КОНСТАНТИНА

Иероним в своем «Летописании» («Хронике») рисует образ первого христианского императора в двух разных, но связанных между собой аспектах: арианское крещение от Евсевия Никомидийского и решительно отрицательное влияние, которое арианский спор оказал на Церковь.¹

Подчеркнуть приверженность Константина к арианству и связать его с двумя весьма негативными последствиями для Церкви конца IV в. («discordiae» и «ecclesiarum rapinae» («раздоры» и «разграбления церквей»)) значило выбиться из общего хора. Этот несогласный голос предположительно сохранился нетронутым лишь благодаря престижу «Летописания» и его автора, но был отодвинут в тень переработкой образа Константина в «Церковной истории» и в спорах о вероучении,² а также в житийной литературе о Константине.³

¹ *Hieron.* Chron. ad a. 337, 234 Helm: «Constantinus extremo vitae suae tempore ab Eusebio Nicomediensi episcopo baptizatus in Arrianum dogma declinat. A quo usque in praesens tempus ecclesiarum rapinae et totius orbis est secuta discordia». Об историческом и культурном контексте «Хроники» см.: *Aiello V.* 1) Costantino 'eretico': Difesa della 'ortodossia' e anticostantinianesimo in età teodosiana // *Atti Academia Romanistica Costantiniana*. Napoli, 1995. Vol. 10. 62 ss. и сн. 16; 74 ss.; 2) *La fortuna della notizia geronimiana su Costantino 'eretico'* // *Messana: Rassegna di studi filologici, linguistici e storici*. 1992. Vol. 13. P. 221—237; 3) *I silenzi su Costantino // Costantino il Grande in età bizantina: Atti del Convegno di Ravenna 5—8 aprile 2001*. 2003. 277 ss. (Bizantinistica; Vol. 5); 4) *Aspetti dell'anticostantinianesimo ortodoso in Occidente: Il giudizio di Girolamo su Costantino: Convegno di Studi*.

² См.: *Calderone S.* Costantino e il Cattolicesimo. Firenze, 1962 (переизд.: Napoli, 2001). Vol. 1; *Farina R.* L'impero e l'imperatore cristiano in Eusebio di Cesarea. La prima teologia politica del cristianesimo. Zürich, 1966; *Barnes T. D.* Constantine and Eusebius. Cambridge (Mass.); London, 1981; *Bonamente G.* La svolta costantiniana // *Cristianesimo e istituzioni politiche: Da Augusto a Costantino*. Roma, 1995. 91 ss. (Biblioteca di Scienze Religiose; Vol. 117); *Girardet Kl. M.* Die konstantinische Wende und ihre Bedeutung für das Reich // *Die konstantinische Wende*. Gütersloh, 1998. 9 ss.; *Crifò G.* La Chiesa e l'Impero nella storia del diritto da Costantino a Giustiniano // *Cristianesimo e istituzioni politiche*. Vol. 2: *Da Costantino a Giustiniano*. Roma, 1997. 179 ss. (Biblioteca di Scienze religiose; Vol. 134); *Rosen Kl.* Cor regum inscrutabile: Eine quellenkritische Untersuchung zur Bekehrung Constantins des Großen // *Humanitas: Beiträge zur antiken Kulturgeschichte: Festschrift für Günther Gottlieb zum 65. Geburtstag*. München, 2001. 252 ss.; *Girardet Kl. M.* Die konstantinische Wende: Voraussetzungen und geistige Grundlagen der Religionspolitik Constantins des Großen. Darmstadt, 2006. О современном обсуждении модели Константина см.: *Poggi V.* Costantino e la chiesa di Persia // *Bizantinistica*. 2003. Vol. 2, N 5. 70 ss. (о христианских церквях за пределами Римской империи); *Zamagni G.* La «fine dell'era costantiniana» // *F. Heer e M.-D. Chenu (1938—1963): In tre quadri e un epilogo al Concilio Vaticano II*. 2008. P. 113—138. (*Cristianesimo nella Storia*; Vol. 29).

³ *Ewig E.* Das Bild Constantins des Großen in den ersten Jahrhunderten des abendländischen Mittelalters // *Historisches Jahrbuch*. 1956. Bd. 75. S. 1—46. См. также: *Spätantikes und fränkisches Gallien*. München, 1976. S. 72, 113. (Gesammelte Schriften; Bd. 1); *Irmischer J.* Die Beurteilung des Eusebius von

Но все места в «Летописании» («Хронике»), касающиеся Константина, сохраняют отзвук развернувшихся в IV в. споров вокруг оценки его *origo (происхождения)* и восхождения на престол, а также убийств Криспа и Лициния. В них умалчивается, что император созвал и сам возглавил Никейский собор, и, наконец, в них говорится, что украшение Константинополя было достигнуто «*omnium раene urbium nuditate*» («едва не всех градов наготовю»).⁴ Речь идет о вполне исторически обоснованных известиях, от которых нельзя абстрагироваться в любом размышлении о заложенных Константином отношениях между Империей (Царством) и Церковью по причине особой силы, с которой они отражают весьма темные стороны личности и непоследовательность религиозной политики первого христианского императора.⁵

Образ Константина был убедительно и тонко разработан современной ему публицистикой,⁶ и особенно Евсевием⁷ в «*Historia ecclesiastica*» («Церковной

Cäsarea und seiner Vita Constantini im griechischen Osten: Ein Beitrag zur Untersuchung der griechischen hagiographischen Vitae Constantini // *Byzantinische Beiträge*. Berlin, 1964. 91 ss.; *Linder A.* The Myth of Constantine the Great in the West: Sources and Hagiographic Commemoration // *Studi Medievali*. 1975. Vol. 16, N 1. P. 43—95; *Aiello V.* 1) Aspetti del mito di Costantino in Occidente: dalla celebrazione agiografica alla esaltazione epica // *Annali della Facoltà di Lettere di Macerata*. 1988. Vol. 21. 87 ss. (относительно Нового времени); 2) Una pagina della storiografia moderna sulla tarda antichità: Costantino tra rinnovamento umanistico e Riforma cattolica // *Hestiasis: Studi di tarda antichità offerti a S. Calderone*. Messina, 1987. Vol. 4. 281 ss.; *Kazhdan A.* Constantin imaginaire: Byzantine legends of the ninth century about Constantine the Great // *Byzantion*. 1987. Vol. 57. P. 196—250; *Aiello V.* Costantino, la lebbra e il battesimo di Silvestro // *Costantino il Grande. Dall'Antichità all'Umanesimo: Colloquio sul cristianesimo nel mondo antico*. Macerata, 18—20 dicembre 1990. Macerata, 1992/1993. Vol. 1/2. P. 17—58; *Grünwald Th.* Constantinus novus: Zum Constantin-Bild des Mittelalters // *Costantino il Grande: Dall'Antichità all'Umanesimo*, cit. (сн. 3). P. 461—485; *Spadaro M. D.* La presenza del divino nell' esercito da Costantino a Eraclio // *Bizantinistica*. 2003. Vol. 2, N 5. 143 ss. (o *signum crucis* со специальной библиографией); *Kaiser Konstantin der Große: Historische Leistung und Rezeption in Europa*. Bonn, 2007; *Pliukhanova M.* La Donazione di Costantino in Russia tra XV e XVI secolo // *Costantino il Grande tra medioevo ed età moderna: Convegno di Studi*. Mulino; Bologna. 206 ss. О периоде после этого трактата см.: *Origone S.* Il mito di Costantino nelle relazioni di Bisanzio col mondo esterno // *Bizantinistica*. 2003. Vol. 2, N 5. P. 349—368.

⁴ *Hieron. Chron. ad a. 330, 232 Helm.* Приведены также сомнения в полной законности восшествия Константина на престол: (*Hieron. Chron. ad a. 306, 228 Helm:* «...ex concubina Helena procreatus (...) regnum invasit»). Вспоминается, что Лициний был убит «*privatus, contra ius sacramenti*» (*Chron. ad a. 323, 231 Helm*). Не без двусмысленности упомянута роль Константина на Никейском соборе (*Chron. ad a. 322, 230 Helm:* «...ad quorum (Arrianorum) perfidiam synodus (...) in Nicaeam (...) congregata»).

⁵ О формировании историографической традиции изображения Константина см.: *Bonamante G.* Eutropio e la tradizione pagana su Costantino // *Scritti storico-epigrafici in mem. Marcello Zambelli*. Macerata, 1978. P. 17—59; *Neri V.* Medius princeps: Storia e immagine di Costantino nella storiografia latina pagana. Bologna, 1992; *Lizzi Testa R.* Alle origini della tradizione pagana su Costantino e il senato romano (Amm. Marc. 21. 10. 8 e Zos. 2. 32. 1): Convegno di Studi / *Festschrift Peter Brown*. О тенденциозном замалчивании фигуры Константина у языческих авторов, таких как Фемистий и Ливаний, см.: *Brandt H.* Temistio e Costantino il Grande // *Bizantinistica*. 2003. Vol. 2, N 5. 159 ss. См. также сн. 39 и 40 наст. статьи.

⁶ См.: *Grünwald Th.* Constantinus Maximus Augustus, Herrschaftspropaganda in der zeitgenössischen Überlieferung. Stuttgart, 1990 (по указателю); *Rosen Kl.* Constantins Weg zum Christentum und die Panegyrici Latin // *Costantino il Grande. Dall'Antichità all'Umanesimo*, cit. (сн. 3), 861 s.; *Cristofoli R.* Costantino e l' Oratio ad sanctorum coetum. Napoli, 2005. (Studi e testi di Koinonia; T. 21).

⁷ *Calderone. 1)* Eusebio e l'ideologia imperiale // *Le trasformazioni della cultura nella Tarda Antichità: Atti del Convegno in Catania, 27 sett. — 2 ott. 1982*. Roma, 1985. 1 ss.; 2) Il pensiero politico di Eusebio di Cesarea // *I Cristiani e l' Impero nel IV secolo: Colloquio sul Cristianesimo nel mondo antico: Atti Convegno Macerata 17—18 dicembre 1988*. Macerata, 1988. P. 45—54; 3) Storia e teologia in Eusebio di Cesarea // *Cristianesimo e istituzioni politiche, II: Da Costantino a Giustiniano*, cit. (сн. 2). P. 81—94; *Cameron Av.*

истории»), в «*Laus Constantini*» («Похвале Константину») и в «*Vita Constantini*» («Житии Константина»).⁸ Они в первую очередь установили, что обязанность христианского императора в строительстве «Царства Божия» обуславливается «особым договором», заключенным с Богом, «явно избравшим» его — в отличие от всякого иного императора⁹ — и обеспечивающим ему победу. Эта происходившая из Ветхого Завета концепция развернулась в настоящую теологию победы, сформулированную с наибольшей очевидностью в «Триаконтетерике» — «Похвальном слове на тридцатилетие», произнесенном Евсевием 25 июля 336 г. в присутствии Константина и подводившем итоги тридцати годов успехов.¹⁰ По его словам, император был наделен не только *pietas* / *eusebevia* (милостью) (творившей из него θεω φιλολή), но и всеми нравственными достоинствами: следовательно, праведное поведение и согласие Константина с Божественным законом были также достигшими совершенства в крещении предпосылками его посмертной канонизации.¹¹

Погребение же, делавшее из него «тринадцатого апостола», в центре среди стел двенадцати апостолов в посвященной ему в Константинополе Базилике,¹²

Eusebius' *Vita Constantini* and the Construction of Constantine // Portraits, Biographical Representation in the Greek and Latin Literature of the Roman Empire. Oxford, 1997. 145 ss. (с *предшествующей библиографией*); *Cameron Av., Hall S. G.* Eusebius: Life of Constantine: **Introduction, Translation and Commentary.** Oxford, 1999; *Winkelmann F.* Historiography of the Age of Constantine // Greek and Roman historiography in Late Antiquity, Fourth to Sixth Century A. D. Leiden-Boston, 2003. P. 3—41; *Prinzivalli E.* Storia ed escatologia in Eusebio di Cesare // *Bizantinistica.* 2003. Vol. 2, N 5. P. 97—112.

⁸ Отмечу намерение, высказанное в свое время Сальваторе Кальдероне, опубликовать комментарий к «Житию Константина» для серии Лоренцо Вала с показательным заглавием: «Евсевий. Житие святого Константина».

⁹ *Vita Const.* 1, 24.

¹⁰ *Euseb.* *Laus Constant.* 3, 1 (Triakont. 200, 21 Heikel); *Calderone.* Il pensiero politico di Eusebio di Cesarea, cit. (сн. 7), 52; *Heim F.* La théologie de la victoire de Constantin à Théodose. Paris, 1992; *Maraval P.* La théologie politique de l'Empire chrétien: Louanges de Constantin. Paris, 2001; *Amerise M.* Eusebio di Cesarea, Elogio di Costantino: Discorso per il trentennale: Discorso regale, intr. Trad. e note. Milano, 2005. P. 18; *Drake H. A.* The impact of Constantine on Christianity // *The Age of Constantine.* Cambridge, 2005. P. 111—136; *Cavalcanti E.* La croce e il monogramma di Cristo nelle narrazioni del ciclo costantiniano // *Costantino il Grande: La civiltà antica al bivio tra Occidente e Oriente.* Milano, 2005. 48 ss.

¹¹ *Euseb.* *Laus Const.* 7, 12: «Великий Царь с неба сие сотворил, гоплита непобедимого вперед выставив, слугу своего (...) он же (...) спасителю своему подражая (...) спас так же и тех, кто Бога не знает, благочестию их научая». *Vita Const.* 1, 3, 4: «Богом возлюблен был (...) и для людей светоносным примером был жизни набожной и благочестивой»; 1, 4: «Бог Константина роду людскому представил как учителя примерного благочестия благоговейного»; 1, 5, 2: «Бог Константина учителя веры сотворил». См.: *Farina R.* La «pietas» del servo di Dio Costantino imperatore: Santità e culto di Costantino imperatore nella «Vita di Costantino» di Eusebio di Cesarea // *Poteri religiosi e istituzioni: il culto di San Costantino imperatore tra Oriente e Occidente.* Torino, 2003. 302 s. (с указанием всех важных фрагментов); *Siniscalco P.* Qualche notazione su San Costantino // *Ibid.* P. 292.

¹² *Krautheimer R.* Zu Konstantins Apostelkirche in Konstantinopel // *Mullus. Festschrift Theodor Klauser.* Münster, 1964. 224 ss. (Jahrbuch für Antike und Christentum; Suppl. I), то же в перизд.: *Krautheimer R.* Architettura sacra paleocristiana e medievale. Torino, 1993. P. 40—49; *Dagron G.* Naissance d'une capitale: Constantinople et ses institutions de 330 à 451. Paris, 1974. P. 401—409; *Arce J.* 1) Funus Imperatorum: Los funerales de los emperadores romanos. Madrid, 1988. 116 ss.; 2) Los funerales del Emperador Constancio II (a. 361 d. C.) // *Homenaje al Prof. Fr. R. Adrados.* Madrid, 1987. P. 29—39; *Bonamente G.* Apoteosi e imperatori cristiani // *I Cristiani e l' Impero nel IV secolo*, cit. (сн. 7). P. 107—142; *Mango C.* Constantine's Mausoleum and the Translation of Relics // *Byzantinische Zeitschrift.* 1990. Bd. 83, N 1. S. 51—61; *Groß-Albenhausen K.* Zur christlichen Selbstdarstellung Konstantins // *Klio.* 1996. Bd. 78. S. 171—185; *Bonamente G.* Chiesa e impero nel IV secolo: Costanzo II fra il 357 e il 361 // *La comunità cristiana di Roma: La sua vita e la sua cultura alle origini all'Alto Medio Evo.* Città del Vaticano, 2000, 135 s.; *Rebenich S.* Vom dreizehnten Gott zum dreizehnten Apostel?: Der tote Kaiser in der Spätantike // *Zeitschrift für Antikes*

было начальной формой культа, предметом которого он стал, особенно на Востоке, с первой половины V в.¹³

Сразу же после его кончины со всей серьезностью встала и проблема его крещения, которое совершил арианин — Евсевий — в бытность свою епископом Никомидийским, до перехода на Константинопольский престол в 337 г.,¹⁴ и трудности собственно политического наследования (от устранения младших ветвей в Константинополе в период с 22 мая по 9 сентября 337 г.¹⁵ до противоречий между Константином II и Константом, вплоть до внезапной смерти Констанция II во время его борьбы с Юлианом) и, наконец, конфликтные отношения между императором и епископами, болезненным следствием которых стало изгнание Афанасия и Маркелла Анкирского.¹⁶

Перед лицом этих противоречий в религиозной политике те, кто унаследовал роль Константина как в управлении империей, так и в руководстве церквями, были вынуждены вновь очертить его образ. В ближайшей перспективе основными ориентирами в нем были два прямо противоположных по смыслу пункта: роль в Никейском соборе, установившем связь между единосущным Символом веры и авторитетом Константина,¹⁷ и крещение под юрисдикцией

und Christentum. 2000. Bd. 4. S. 300—324; *Russo E.* Costantinopoli: Architettura e scultura nei primi secoli // *Bisanzio, Costantinopoli, Istanbul.* Milano, 2008. P. 39—108.

¹³ В иерусалимском обряде культ восходит к периоду между 417 и 439 гг.; византийский обряд засвидетельствован в IX в.; празднование падает на 21 мая. См.: *Theodor.* Hist. eccl. 1, 40; *Acta Sanctorum.* Mai V. Paris, 1866. P. 12—27; *Synax.* Constantinop. Coll. 697—700; *Amore A., s. v.* Costantino // *Bibliotheca Sanctorum.* 4. Roma, 1964 (переизд.: 1987). 237 s.; *Luzzi A.* Il dies festus di Costantino il Grande e di sua madre Elena nei libri liturgici della Chiesa greca // *Costantino il Grande dall' Antichità all' Umanesimo*, cit. (сн. 3). Т. 2. P. 585—643; *Zanetti U.* Costantino nei calendari e nei sinassari orientali // *Ibid.* P. 893—914; *Pfjukhanova M.* Il culto di Costantino il Grande nella Russia Antica // *Bizantinistica.* 2004. Т. 2, N 6. P. 191—215 (с последующей важной библиографией); *Aiello V.* Il mito di Costantino. Linee di una evoluzione // *Tradizioni religiose e istituzioni giuridiche del popolo sardo: Il culto di S. Costantino imperatore tra oriente e occidente: VI Seminario Internazionale (Sassari-Sedilo-Oristano, 4—6 luglio 2002)* // <http://www.dirittoestoria.it/notizie/programma.pdf>; *Pitsakis C. G.* L'ideologie impériale et le culte de Saint Constantin dans l'Église d'Orient // *Poteri religiosi e istituzioni*, cit. (сн. 11). P. 258—262; *Shurgaia G.* Santo imperatore: Costantino il Grande nella tradizione liturgica di Gerusalemme // *Bizantinistica.* 2003. Vol. 2, N 5. P. 215—260, особ. p. 255; *Bonamente G.* Costantino santo // *Cristianesimo nella storia.* 2006. Vol. 27. P. 735—769.

¹⁴ *Euseb.* Vita Const. 4, 61—63. Именно от Иеронима не могло ускользнуть истинное значение присутствующего в тексте «Жития Константина» известия о том, что император останавливался в Еленополе, в месте погребения мученика (*martirium*) (4, 61, 1): он, конечно, знал, что речь шла о памяти Лукиана Антиохийского (*Chron. ad a. 327; De viris illustr. 77*). **Что до Евсевия Никомидийского, то после отращения от Никейского Символа веры и изгнания он был возвращен Константином в 328 г.** См.: *Amerise M.* Il battesimo di Costantino il Grande: Storia di una scomoda eredità. Stuttgart, 2005. 26 ss. (Hermes Einzelschriften; T. 95) (с указанием источников и библиографией).

¹⁵ *Klein R.* Die Kämpfe um die Nachfolge nach dem Tod Constantins des Großen // *Byzantinische Zeitschrift.* 1979. Bd. 6. S. 101—150; *Vittinghoff Fr.* Staat, Kirche und Dynastie beim Tode Constantins // *L'Église et l'empire au IVe siècle.* Genève, 1989. P. 1—34, 27 s. (Entretiens sur l'Antiquité Classique; T. 34); *Cara P.* La successione a Costantino. Aevum, 1991. P. 173—180; *Chantraine H.* Die Nachfolgeordnung Constantins des Großen. Stuttgart, 1992. (Abhandlungen der Geistes — und Sozialwissenschaftlichen Klasse / Akademie der Wissenschaften und der Literatur Mainz; Vol. 7); *Di Maio M., Arnold W. H.* Per vim, per caedem, per bellum: a Study of Murder and Ecclesiastical Politics in the year 337 // *Byzantion.* 1992. Vol. 62. P. 158—211.

¹⁶ *Dagron G.* 1) Naissance d'une capitale, cit. (сн. 12), 427 ss.; 2) Empereur et prêtre: *Étude sur le 'césaropapisme' byzantin.* Paris, 1996. 153 ss.

¹⁷ *Girardet Kl. M.* 1) Kaiser Konstantin der Große als Vorsitzender von Konzilien. Die historischen Tatsachen und ihre Deutung // *Costantino il Grande: Dall'Antichità all'Umanesimo*, cit. (сн. 3), 445 ss.; 2) Die

епископа-арианина в довершение его усиливающейся склонности к арианству.

Речь шла о сложном хитросплетении, отличное знание которого показал Евсевий Кесарийский при разработке своего рассказа о крещении как завершающем деянии жизни Константина, избегая упоминания Евсевия Никомидийского. Такую же осторожность он проявил в определении связанного с этим общего вопроса: отношения между Константином и епископами, а точнее, взятая императором на себя роль в общении с Церковью была им определена формулой «*κοινὸς ἐπίσκοπος*» («епископа всеобщего») или еще более удачной в ее аллюзионности «*ἐπίσκοπος τὸν ἐκτὸς*» («надзирателя всех епископов»),¹⁸ которая через несколько лет была заменена другой, более откровенной и полемичной, «*ἐπίσκοπος ἐπίσκοπων*» («епископ епископов»), в применении к Констанцию II Люцифером Калаританским.¹⁹

Отступление Константина от строгого соблюдения никейского учения и изгнание Афанасия не были только знаками личной доктринальной склонности; они предполагали скорее выбор институционального плана, присущий императорской власти в отношении к религии и культам: речь шла о традиционном компоненте политики и римских общественных установлений. Принятие христианской религии не воспринималось Константином в противоречии с исполнением должности *pontifex maximus*, делавшей его ответственным за культы всей империи и управляющим ими. А также сохранение за собой этого жреческого достоинства нельзя интерпретировать как некую двусмысленную преемственность (в которой можно было бы отметить нерешительность в отношении христианства или всеобщую «веротерпимость»). Его нужно рассматривать как сознательный и значимый выбор, поскольку Константин намеревался следо-

Teilnahme Kaiser Konstantins am Konzil von Nicaea (325) in byzantinischen Quellen // Costantino il Grande nell'età bizantina, cit. (сн. 1). 24 ss.

¹⁸ См.: *Euseb.* Vita Const. 4, 24; *Straub J.* 1) Kaiser Konstantin als ἐπιτοκοπὴ τῶν ἐκτοῦ // Stud. Patr. 1. 1957; теперь: Regeneratio imperii: Aufsätze über Roms Kaisertum und Reich im Spiegel der heidnischen und christlichen Publizistik. Darmstadt, 1972. S. 119—133; 2) Konstantin as κοινὸς ἐπίσκοπος: Tradition and Innovation in the Representation of the First Christian Emperor's Majesty (1961), теперь: Regeneratio imperii, cit. 134 ss.; *Calderone.* Costantino e il cattolicesimo, cit. (сн. 2). XI—XIII, сн. 4; *Farina.* L'impero e l'imperatore cristiano, cit. (сн. 2). P. 319, сн. 45. *Mazzarino S.* La data dell' Oratio ad sanctorum coetum. Il ius Italicum e la fondazione di Costantinopoli: note sui «discorsi» di Costantino // Antico, tardoantico ed era costantiniana. I. Bari, 1974. P. 172; *De Decker G., Depuis-Masay G.* L'épiscopat de l'empereur Constantin // Byzantion. 1980. T. 50. 118 ss.; *Girardet Kl. M.* Das christliche Priestertum Konstantins des Großen // Chiron. 1980. Bd. 10. S. 569—592; *Dagron G.* Empereur et prêtre, cit. (сн. 16). P. 370, сн. 24; *Consolino F. E., Lizzi Testa R.* Le religioni nell'impero tardoantico: persistenze e mutamenti // Storia di Roma. Torino, 1993. Vol. 3, N 1. P. 895—974; *Cataudella M.* Costantino «episkopos» e l' Oratio ad Sanctorum coetum // Politica retorica e simbolismo del primato: Roma e Costantinopoli, cit. (сн. 48), 267 ss.

¹⁹ Эту формулу см.: *Luc. Carol.* Moriendum esse 13, CCL 8, 293; см.: *Hilar. Pict.* Contra Constantium. 5; *Socrat.* Hist. eccl. 2, 34; *Simonetti M.* La crisi ariana nel IV secolo. Roma, 1975. P. 242; *Girardet Kl. M.* Kaiser Konstantius II. als episcopus episcoporum und das Herrscherbild des christlichen Widerstandes: (Osius von Corduba und Lucifer von Caralis) // Historia. 1977. Bd. 26. S. 95—128, 106 ss.; *Rosen Kl.* Ilario di Poitiers e la relazione tra la Chiesa e lo Stato // I Cristiani e l' Impero nel IV secolo, cit. (сн. 12), 63 ss.; *Pietri Ch.* La politique de Constance II: un premier 'césaropapisme' ou l' imitatio Constantini? // L' Église et l' empire au IVe siècle // Entretien Hardt. Vandoeuvres-Genève, 1989. T. 34. P. 113—178; теперь: Christiana res publica: Éléments d'une enquête sur le christianisme antique. Rome, 1997. Vol. 2. P. 333. (Coll. Ecole franç.; 234); *Barnes T. D.* Athanasius and Constantius: Theology and Politics in the Constantinian empire. Cambridge (Mass.); London, 1993. P. 149; *Lizzi Testa R.* The Late Antique Bishop: Image and Reality // A Companion to Late Antiquity.

вать религиозной политике, затрагивавшей империю, ее институции и структуры, являвшейся, так сказать, «status religionum» («положением верований») всех подданных.²⁰

Действительно, стоит подчеркнуть глубокую последовательность в политической линии Константина. С одной стороны, в указе поместным священнослужителям Востока от 324 г. он явно подтвердил дозволенность традиционных культов²¹ и рескриптом, выпущенным в последний год своего царствования, позволил обитателям Гиспелла (HisPELLum) построить храм, предназначенный для поклонения императорской фамилии,²² а с другой — проявил нетерпимость к доктринальной непримиримости Афанасия. Позиция священнослужителя и впрямь предполагала два следствия, вредившие престижу фигуры императора: лишение *pontifex maximus* компетенции принимать решения о культах и священнослужителях (в данном случае епископах) и неприятие политического соглашения, выстраиваемого императором.²³ На самом деле, Константин, по мере того как распространял свое могущество над империей и определял должностные обязанности христианских епископов,²⁴ углублялся в доктринальные и дисциплинарные сложности Церкви, в некоторых своих составляющих непокорной императорской власти. Донатисты, ариане и афанасиане вовлекли его в споры, куда он сумел тогда решительно вторгнуться, как в Никее, оставив, однако,

²⁰ Ср.: *Calderone*. Costantino e il cattolicesimo, cit. (сн. 2), 136 s.; *Barnard L. W.* Athanase et les empereurs Constantin et Constance // *Politique et théologie chez Athanase d'Alexandrie: Actes du Colloque de Chantilly, 23—25 sett. 1973*. Paris, 1974. 127 ss.; *Corsaro F.* La pace religiosa nella 'Realpolitik' costantiniana // *CQ*. 1981. Vol. 10. 221 ss.; *Barcelò P. A.* Die Religionspolitik Kaiser Konstantins des Großen von der Schlacht an der Milvischen Brücke (312) // *Hermes*. 1988. Bd. 116. 84 ss.; *Barnes*. Athanasius and Constantius, cit. (сн. 19), 127 ss.; *Groß-Albenhausen K.* Imperator christianissimus: Der christliche Kaiser bei Ambrosius und Johannes Chrysostomus. Frankfurt a/M., 1999. S. 14.

²¹ *Euseb.* Vita Const. 2, 48—60; см.: 2, 24; 1—2, 42 (особ.: 35—37, о возвращении конфискованного имущества); 2, 47, 1—2, 61, 2 (особ.: 60, 1—2, что является настоящим провозглашением веротерпимости). См.: *Sozom.* Hist. eccl. 3, 17, 3; 4, 10, 7; *Thdr.* Hist. eccl. 5, 21, 1—2; *Pietri Ch.* Constantin en 324, Propagande et théologie impériales d'après les documents de la Vita Constantini (1983), перепеч.: Christiana Republica: Éléments d'une enquête sur le christianisme antique. Paris, 1998. Vol. 3. P. 253—80. (Coll. École Française de Rome; 234); *Barnes*. Constantine and Eusebius, cit. (сн. 2), 208 ss.; *De Giovanni L.* L'imperatore Costantino e il mondo pagano. 2 ed. Napoli, 2003. P. 116; *Errington R. M.* Constantine and the Pagans // *Greek Roman and Byzantine Studies*. 1988. T. 29. 311 s.; *Bonamente G.* Prefetti del pretorio, vescovi e governatori all'opera nell'applicare la legislazione antipagana // *Poteri centrali e poteri periferici nella tarda antichità: Confronti conflitti: Atti della giornata di Studi. Messina, 5 settembre 2006*. Firenze, 2007. P. 19. (Papyrologica Florentina; T. 38).

²² CIL XI 5265 = ILS 705; см.: *Forni G.* Flavia Constans HisPELLum: Il tempio e il pontefice della gens Flavia costantiniana (1992), теперь: *Scritti vari di storia, epigrafia e antichità romane*. Roma, 1994. Vol. 1. 257 ss.; *Bonamente G.* La svolta costantiniana, cit. (сн. 1), 112 s.; *Tabata K.* The Date and Setting of the Constantinian Inscription of HisPELLum (CIL XI 5265 = ILS 705) // *Studi classici e orientali*. 1995 (1997). T. 45. P. 364—410; *Coarelli F.* Il rescritto di Spello e il santuario «etnico» degli Umbri // *Umbria cristiana: Dalla diffusione del culto al culto dei santi (secc. IV—X): Atti del XV Congresso internazionale di studi sull'alto medioevo*. Spoleto, 23—28 ottobre 2000. Spoleto, 2001. T. 1. P. 39—56.

²³ См.: *Bonamente G.* Politica antipagana e sorte dei templi da Costantino a Teodosio II // *Trent'anni di studio sulla Tarda Antichità: bilanci e prospettive: Congresso dell'associazione di Studi Tardoantichi*. Napoli, 21—23 novembre 2007: *Convegno di Studi*.

²⁴ *Lizzi R.* 1) Il potere episcopale nell'Oriente romano: Rappresentazione ideologica e realtà politica (IV—V secolo d. C.). Roma, 1987; 2) Vescovi e strutture ecclesiastiche nella città tardoantica: (**L'Italia annona** nel IV—V secolo d. C.). Como, 1989; 3) Privilegi economici e definizione di «status»: il caso del vescovo tardoantico // *Rendiconti Classe di scienze morali storiche e filologiche / Accademia nazionale dei Lincei*. 2000. Vol. 11, N 1. P. 55—103.

открытыми некоторые вопросы, удовлетворительного и стабильного решения которых не смогли найти его преемники.²⁵

Первым серьезным симптомом стал тот факт, что его преемники занимали различные позиции относительно Церкви. Даже Констанций II, весьма решительно двинувшийся в русле отцовской политики, вновь отправив в изгнание Афанасия в 353 г., не пошел дальше эфемерного успеха с вводом «Устаревшего Символа веры» 22 мая 359 г. на соборе в Сирмии, при сильном давлении на епископов в течение 359 г. на соборах в Селевкии и Римини. Но как раз через несколько дней после официального объявления об «императорском» примирении доктринальных споров, сделанного в Константинополе 1 января 360 г., ему воспротивился Цезарь Юлиан, что вызвало радикальный переворот в религиозной политике империи.²⁶

Именно в ходе борьбы, предпринятой Констанцием II против положений афанасианства, и жестких полемических ответов Илария Пиктавийского, Люцифера Калаританского, самого Афанасия и Осия Кордобского обозначилась дихотомия между концепцией императорской власти Евсевия-Константина и требованием принять Никейский Символ как гарантию истинной веры, придав абсолютное значение связи Константина с Никеей.²⁷ Либерий в 353—354 гг. действительно обратил внимание Констанция II на отношения Константина с Никеей; никейские епископы, объединившиеся на соборе в Римини в 359 г., также основали начало своего сопротивления на решениях, принятых Константином в Никее.²⁸

В сочинении «Contra Constantium» («Против Констанция») Иларий дошел до того, что выдвинул Константина как образец для невыгодного сравнения с открыто исповедовавшим арианство Констанцием II: «ipse quoque pridem iam mortuus anathema tibi pater tuus est, cui Nicaena synodus fuit curae» («сам же, хотя и мертв уже, анафема тебе отец твой, ему же собор Никейский заботой был»),²⁹ разрабатывая процесс отвлечения никейской доктрины от сложности истори-

²⁵ Pavan M. Cristianesimo e impero romano nel IV secolo d. C. // I Cristiani e l' Impero nel IV secolo, cit. (сн. 12), 1, теперь: Pavan M. Tra Classicità e cristianesimo: Scritti raccolti in memoria. Roma, 1995. Vol. 1. 561 ss.; Girardet Kl. M. Kaisergericht und Bischofsgericht: Studien zu den Anfängen des Donatistenstreites (313—315) und zum Prozeß des Athanasius von Alexandrien (328—346). Bonn, 1975. 67 ss.; Barnes. Athanasius and Constantius, cit. (сн. 19), 19 ss.

²⁶ См.: Athan. De Syn. 3; 8; Girardet Kl. M. Constance II, Athanase et l'Edit d'Arles (353): à propos de la politique religieuse de l'empereur Constance II // Politique et théologie chez Athanase d'Alexandrie: Actes du Colloque de Chantilly, 23—25 sept. 1973. Paris, 1974. 63 ss.; Aiello. Costantino 'eretico', cit. (сн. 1). P. 58; Bonamente G. Chiesa e impero nel IV secolo, cit. (сн. 12), 133 ss.

²⁷ См.: Simonetti. La crisi ariana nel IV secolo, cit. (сн. 19), 247 ss.; Girardet. Kaiser Konstantius II. als episcopus episcoporum, cit. (сн. 19). 95 ss.; Sciuto F. E. Da Nicea a Costantinopoli: Osservazioni sulla prima fase della stabilizzazione teologico-politica cristiana (325—381) // Le trasformazioni della cultura nella tarda Antichità. Catania, 1985. Vol. 1. 479 ss.; Mazza M. Costanzo II, i Costantinidi e gli storici ecclesiastici: una «Constantinopolitan Connection» // Atti Academia Romanistica Costantiniana. Perugia, 1995. Vol. 10. P. 85—104.

²⁸ См.: Hilar. Coll. Antiar. A 7, 1, CSEL 65, 89; 5, 1, 1, CSEL 65, 79; Rosen. Ilario di Poitiers, cit. (сн. 19), 63 ss.; Simonetti M., s. v. Liberio // Enciclopedia dei Papi. Roma, 2000. 341 ss.; Girardet. Die Teilnahme Kaiser Konstantins am Konzil von Nicaea, cit. (сн. 17). P. 25.

²⁹ Hilar. Contra Const. 27; см.: Athan. Apol. de fuga sua 26. PG. T. 25. P. 678; De syn. 10; H. A. 51, PG. T. 25. P. 754; Moerschini Cl. Quando un imperatore cristiano perseguita i cristiani // Cristianesimo e istituzioni politiche. T. 2: Da Costantino a Giustiniano. P. 107—126, 120 (о датировке); Barnard. Athanase et les empereurs Constantin et Constance, cit., 127 ss.; Barnes. Athanasius and Constantius, cit. (сн. 19), 121 ss.

ческих контекстов, отчего фигура Константина получала значение и авторитет только благодаря связи с этим собором.

Короткое царствование Юлиана обозначило решительное и яростное отвержение фигуры первого христианского императора, свидетельство которого сохранилось, прежде всего, в диалоге «О Цезарях», воплотившем отрицательный образ Константина Великого, опирающийся на неискупимый характер его нравственных прегрешений и обобщенный в эпитете «убийца».³⁰ Но особенно подчеркивалась отвратительная связь между христианством Константина Великого и зверством действительно приписываемых ему убийств Лициния, Криспа и Фаусты, а также связь с трагическими событиями наследования, также, хотя и косвенно, вменяемыми ему в вину.³¹

Константин, осознающий неискупимые преступления и нуждающийся в очищении поверхностным христианством,³² был безжалостной пародией на христианское учение об отпущении грехов, разработанной теми, кто, как Юлиан, так и не смог забыть кошмар резни в Константинополе 337 г., где был убит и его отец.³³

В «Цезарях» Юлиан заставил Константина выйти на сцену божественного суда перед лицом Хроноса, предложив причинную связь между преступлениями и обращением.³⁴ Эта *iunctura* (сочленение), что в тексте 362 г. предлагается только в нравственно-политическом плане, разворачивается в историческом повествовании и в хронологии у Зосимы (и предположительно уже в его источнике — Евнапии),³⁵ фиксируя известие об обращении Константина в период после

³⁰ *Julian*. Caes. 38, 336 (соблазнитель, человекоубийца, святотатец и мерзавец); поэтому он отвергнут Зевсом и принят Христом. Диалог Юлиана явился выражением отчетливой позиции в богословском, нравственном и историографическом плане; особенно следует подчеркнуть трактовку двух тесно связанных между собою тем: апофеоз императоров (с прибавлением Александра Великого) и обожевление / «канонизация» Константина, которая именно в эти годы, — между нашумевшим начинанием епископа Македония и завершением мавзолея при Базилике Апостолов, — присутствовала в общественном сознании. Именно в связи с этой темой выступал Юлиан, стараясь показать, что Константин не мог взойти на небо из-за своих неискупимых грехов. См.: *Bonamente G.* 1) *L'apoteosi degli imperatori romani nell' 'Historia Augusta' // XV Miscellanea greca e romana*. Roma, 1990. P. 292—294; 2) *Il ruolo del senato nella divinizzazione degli imperatori // «Humana sapit»: Études d'antiquité tardive offertes à Lellia Cracco Ruggini // Bibliothèque de l'antiquité tardive*, сн. 3. Turnhout, 2002. P. 359—381, 378; *Bonamente G.* Costantino santo, cit. (сн. 13), 749 ss.

³¹ Si vedano Chr. Lacombrade. *L'empereur Julien*: Discours de Julien empereur. 2, 2. Paris, 1964. P. 3—31; *Zucchelli G.* La propaganda costantiniana e la falsificazione storica in Zosimo // *I canali della propaganda nel mondo antico*. Milano, 1976. 248 ss. (Contributi di Storia antica; Vol. 4); *Baldwin B.* The Caesares of Julian // *Klio*. 1978. T. 60, N 2. P. 446—449; *Bowersock G.* The emperor Julian on his Predecessors // *Yale Classical Studies*. 1982. Vol. 27. P. 159—172; *Marasco G.* Giuliano e la tradizione pagana sulla conversione di Costantino // *Rivista di filologia ed istruzione classica*. 1994. Vol. 122. 340 ss.; *Amerise M.* La figura di Costantino nei «Caesares» di Giuliano l'Apostata // *Rivista storica dell'antichità*. 2002. T. 32. 141 ss.; *Baldini A.* Il dibattito contemporaneo sulla conversione di Costantino // *Storiografia e agiografia nella tarda antichità*. P. 701—735, 703. Об убийствах родственников см. сн. 15 и 36.

³² *Julian*. Caes. 336 a-b, где в уста Христа вложены слова: «Всякий, кто, будучи соблазнителем, убийцей, святотатцем и мерзавцем, вперед с отгагой выступит, смывая сие водою, вот его я немедленно чистым сотворю...»

³³ См.: *Bidez J.* La vie de l'Empereur Julien. Paris, 1965. P. 15; *Bonamente G.* La svolta costantiniana, cit. (сн. 1). P. 98; ср. выше, сн. 15.

³⁴ См.: *Zucchelli G.* La propaganda anticostantiniana e la falsificazione storica in Zosimo. 224 s.

³⁵ Об использовании труда Евнапия как источника ср.: *Baldini A.* 1) *Ricerche sulla Storia di Eunapio di Sardi. Problemi di storiografia tardopagana*. Bologna, 1984; 2) *Le due edizioni della Storia di Eunapio e le fonti della Storia Nuova di Zosimo // Ann. Fac. Lett. Macerata*. 1986. Vol. 19. 47 ss.; *Paschoud F.* Zosime:

устранения Лициния и убийств Криспа и Фаусты.³⁶ Речь идет об «исторической конструкции», уже опровергнутой «ab antique» («давным-давно»), как свидетельствует Созомен, и не находящей никакого подтверждения в современных критических реконструкциях.³⁷

Юлиан, как передает Аммиан, предъявил Константину обвинение в необдуманных нововведениях в области установлений и управления.³⁸ И в целом можно сказать, что к нему восходят все *topoi* (*топосы*) отрицательного суждения о правлении Константина, от «insolentia» («излишества») до «profusiones immodicae» («неумеренных расточительств»),³⁹ несоблюдения клятв, прекрасно

Histoire nouvelle. Vol. 1, livres 1/2. 2 ed. Paris, 2000. XXXVI ss.; 3) Eunape, Olympiodore, Zosime: Scripta minora. Bari, 2006, особ. 63 ss.; 257 ss.

³⁶ Zosim. 2, 29: «...еще пользовался священными предметами родины (...) приказал умертвить сына Криспа (...) Фаусту (...) сознавая сие, и кроме того, сознавая, что клятвы отвергает, к священникам отправился, требуя очистительных жертв для преступлений своих; но те отвечали, что нет никакого очищения для таких злодеяний, некий египтянин...» Ср.: Guthrie P. The execution of Crispus // Phoenix. 1966. Vol. 20. 329 ss.; Rougé J. Fausta, femme de Constantin: criminelle ou victime? // Cahiers d'histoire. 1980. Vol. 25. 3 ss.; Austin N. J. E. Constantine and Crispus. A. D. 326 // Aclass. 1980. Vol. 23. 133 ss.; Pohlsander H. A. Crispus, brilliant career and tragic end // Historia. 1984. T. 33. 79 ss.; Marasco G. Costantino e le uccisioni di Crispo e di Fausta (326 d. C.) // Rivista di filologia ed istruzione classica. 1993. Vol. 121. 297 ss.

³⁷ Что касается Созомена, см. ниже сн. 82—87. Проблема критико-исторической реконструкции событий была поднята в работе: Grégoire H. La conversion de Constantin // Revue de l'Université de Bruxelles. 1930/1931. Vol. 36. P. 231—272; теперь в немецком переводе в: Konstantin der Grosse. S. 175—223; но в докладе на X Международном конгрессе историков 1955 г. Йозеф Фохт, подчеркивая противопоставление двух тезисов («консервативного», настаивавшего на хронологической отметке 312 г., и «новаторского», видевшего в 324 г. настоящий поворотный момент в политике Константина), показал, что древние документы несомненно указывают на 312 г. как на год поворота в религиозной политике. См.: Vogt J. Die constantinische Frage: A) Die Bekehrung Constantins // Relazioni del X Congresso Intern. di Scienze storiche. Firenze, 1955. P. 733—779; теперь в: Konstantin der Grosse. Darmstadt, 1974. S. 345—387; Calderone. Costantino e il Cattolicesimo, cit. (сн. 2), 135, сн. 1; 241; De Giovanni. L'imperatore Costantino e il mondo pagano, cit. (сн. 21), 3 ss.; Barnes T. D. The Conversion of Constantine // Class. Views. 1985. T. 29. P. 371—391; Farina R. Eusebio di Cesarea e la «svolta costantiniana» // Augustinianum. 1986. T. 26. 313 ss.; Bonamente G. La «svolta costantiniana», cit. (сн. 1), 91 ss.; Marcone A. Pagano e cristiano: vita e mito di Costantino. Bari; Roma, 2002; Van Dam R. The Many Conversions of the Emperor Constantine // Conversion in Late Antiquity and the Early Middle Ages: Seeing and Believing. Rochester, 2003. P. 127—151; Brandt H. Konstantin der Grosse: Der erste christliche Kaiser: Eine Biographie. München, 2006. 42 ss.; Girardet. Die konstantinische Wende, cit. (сн. 2). S. 27; Sordi M. La conversione di Costantino // Costantino il Grande, cit. (сн. 10), 37 s.

³⁸ Aмм. 21, 10, 8 («Tunc et memoriam Constantini, ut novatoris turbatorisque priscarum legum et moris antiquitus recepti vexavit...»); ср. Zosim. 2, 32, 1; Neri V. Costantino nei Caesares di Aurelio Vittore // Costantino il Grande: Dall'antichità all'Umanesimo, cit. (сн. 3), 705 ss.; см. ныне: Lizzi Testa. Alle origini della tradizione pagana su Costantino e il senato romano, cit. (сн. 5).

³⁹ В «Кратком руководе» («Бревиарии») 370 г. Евтропий зафиксировал разделение действий Константина на два этапа, с тенденцией к ухудшению (10, 6, 3: «...insolentia rerum secundarum aliquid quantum Constantinus ex illa favorabili animi docilitate mutavit»; 10, 7, 1: «...vir primo imperii tempore optimis principibus, ultimo mediis comparandus»). Что касается неумеренных трат как отличительной черты экономической политики Константина, то это мнение широко распространено в историографии IV в. и тесно связано с реформой «solidus» («солида»). Натуралистические выражения — см.: Anon. De rebus bellicis 2, 1—2 («Constantini temporibus profusa largitio aurum pro aere, quod antea magni pretii habebatur, vilibus commerciis assignavit (...) cunctorum dandi habendique cupiditates accendit») и 2, 4 («Ex hac auri copia privatae potentium repletae domus in perniciem pauperum clariores effectae, tenuioribus videlicet violentia oppressis») — вызвали широкую дискуссию; ср.: Mazzarino S. Aspetti sociali del IV secolo: Ricerche di storia tardo-romana. Roma, 1951; Kolb F. Finanzprobleme und soziale Konflikte aus der Sicht zweier spätantiker Autoren: (Scriptores Historiae Augustae und Anonymus de rebus bellicis) // Studien zur antiken Sozialgeschichte: Festschrift F. Vittinghoff. Köln; Wien, 1980. 518 ss.; Anonimo: Le cose della guerra. 3 ed. Milano, 1996; Brandt H. Zeitkritik in der Spätantike: Untersuchungen zu den Reform-

засвидетельствованных историографией традиционалистского толка,⁴⁰ а также темы, напрямую касающиеся религиозной политики и большей частью сосредоточенные на небрежении храмами.⁴¹

Развернув дискуссию вокруг исторической оценки Константина, император Юлиан не только выделил серьезные отрицательные аспекты его деятельности, не могшие не затрагивать также и христиан,⁴² но и решительно увеличил расстояние между императорской властью и христианством. Это заставило епископов укрепить свои позиции и собственную роль также и в отсутствие императорского благоволения, и во многом — в противоречии с ним. И при Валентиниане, несмотря на его позицию воздержания от прямого участия в религиозных конфликтах, не обнаружилось условий для преодоления взаимного недоверия, которое в восточной части даже обострилось из-за склонности Валента к арианству.⁴³

vorschlägen des Anonymus De rebus bellicis. München, 1988. S. 39; *Callu J.-P.* Succès et limites du solidus constantinien // *Moneta mercanti banchieri. I precedenti greci e romani dell'Euro: Atti del convegno intern. Cividale del Friuli, 26—28 sett. 2002.* Pisa, 2003. P. 205—218.

⁴⁰ Языческая традиция успешно консолидировалась вокруг «Краткого руководства» («Бревиария») Евтропия, который был префектом претория в 380 г. и консулом в 387 г. и чей труд стал источником для самого Иеронима (см.: *Helm R.* Hieronymus und Eutrop // *Rheinisches Museum für Philologie.* 1927. Bd. 76. S. 138—170; 254—306; *Aiello.* Costantino «eretico», cit. (сн. 1). P. 64—80). Подчеркнутое описание дел Константина как нисходящей кривой постоянно встречается в «Кратком изложении о Цезарях» (41, 16: «...decem annis praestantissimus, duodecim sequentibus latro, decem novissimis pupillus ob profusionis immodicas nominatus»). Ср.: *Bonamente G.* Eutropio e la tradizione pagana su Costantino, cit. (сн. 4). P. 17—59; *Neri V.* Medius princeps, cit. (сн. 5); *Zecchini G.* La storiografia cristiana latina del IV secolo (da Lattanzio ad Orosio) // *I Cristiani e l'Impero nel IV secolo*, cit. (сн. 12), 188 ss.; *Bonamente G.* *Minor Latin Historians of the Fourth Century A. D.* // *Greek and Roman historiography in Late Antiquity, Fourth to Sixth Century A. D.* Leiden; Boston, 2003; *Paschoud F.* Gibbon e Costantino // *Costantino il Grande tra medioevo ed età moderna*, cit. (сн. 3). P. 281—283.

⁴¹ *Klein R.* Distruzione di templi nella tarda antichità: Un problema politico, culturale e sociale // *Atti Accademia Romanistica Costantiniana.* Perugia, 1995. 127 ss.; *Bonamente G.* Sulla confisca dei beni mobili dei templi in epoca costantiniana // *Costantino il Grande: Dall'antichità all'Umanesimo*, cit. (сн. 3), 179 ss.; *De Giovanni.* L'imperatore Costantino e il mondo pagano, cit. (сн. 21) (с обширной библиографической справкой); *Sottinel Cl.* La disparition des lieux de culte païens en Occident. Enjeux et méthode // *Hellénisme et christianisme.* Villeneuve d'Ascq, 2004. 49 ss.; *Spagnuolo Vigorita T., s. v.* Konfiskation // *Reallexicon für Antike und Christentum.* Stuttgart, 2005. T. 21. P. 355—416; *De Giovanni L.* Istituzioni scienza giuridica codici nel mondo antico: Alle radici di una nuova storia. Roma, 2007. 10 ss. (с обширным обзором и библиографией); *Bonamente G.* Einziehung und Nutzung von Tempelgut durch Staat und Stadt in der Spätantike // *Staat und religiöser Konflikt: Colloquium: Münster, 15—17 Januar 2004: Convegno di Studi.*

⁴² Можно выделить также еще одну христианскую традицию, важным представителем которой был префект претории Флавий Аблабий, непосредственно участвовавший в политике Константина против колдовства (он приговорил к смерти Сопатра), устранный при Констанции II. Ср.: *Eun. V.* *Soph.* 6, 2, 7—12; *Zosim.* 2, 40, 3; *Baldini A.* Il filosofo Sopatro e la versione pagana della conversione di Costantino // *Simblos.* 1995. T. 1. 265—286, 276 ss.; *De Giovanni.* L'imperatore Costantino e il mondo pagano, cit. (сн. 21). P. 232—237; *Rosen Kl.* Qui nigrum in candida vertunt: Die zeitgenössische Auseinandersetzung um Constantins Familientragödie und Bekehrung // *Bizantinistica.* 2003. Vol. 2, N 5. 123 ss., с точными указаниями на оценки со стороны христиан, таких как Аблабий (113 ss.).

⁴³ В одном законе 371 г. упоминается программный принцип, выраженный первыми же актами правительства. СТН 9, 16, 9: «Testes sunt leges a me in exordio imperii mei datae, quibus unicuique, quod animo inbibisset, colendi libera facultas tributa est». Действительно, Валентиниан I воздерживался от вмешательства в доктринальные споры внутри Церкви (Ambr. *Ep.* 75, 2: «Augustae memoriae pater tuus (...) legibus sanxit: „In causa fidei vel ecclesiastici alicuius ordinis eum iudicare debere qui nec munere impar sit nec iure dissimilis“»; ср.: *Amm.* 30, 9, 5; *Sozom.* *Hist. eccl.* 6, 7, 2; *Lizzi Testa R.* 1) Senatori, popolo, papi: Il governo di Roma al tempo dei Valentiniani. Bari, 2004. 251 s.; 2) La certatio tra Ambrogio e Mercurino Ausenzio, ovvero a proposito di una deposizione mancata: Convegno di Studi. Иначе поступал

Поворот назрел в 80-е гг. Некоторые места из «De fide» («О вере») епископа Амвросия подтверждают разрыв исторического времени, обозначившийся смертью Валента: 9 августа 378 г. на равнине Адрианополя римское войско потерпело эпохальное поражение, сопровождавшееся гибелью в бою самого императора Валента. Миланский епископ отстранился от этого поражения, понесенного христианским императором (вопиющим образом опровергавшего «теологию победы»), и разработал к собственной выгоде его провиденциалистское толкование, согласно которому это бедствие якобы было вызвано божественной карой за арианство императора Валента. Поражение становилось, таким образом, предупреждением Грациану, чтобы он не шел по следам своего предшественника: «ut satis claruerit eos qui violaverint fidem, tutos esse non posse»⁴⁴ («дабы достаточно тех просветил, кто рушит веру, что в безопасности быть не могут»).

Со своей стороны Феодосий, призванный править империей в глубоком кризисе, осознал, что должность христианского императора должна быть заново определена на новых основаниях: быть блюстителем «истинной веры», той, что властно предложит ему Церковь.⁴⁵ Выпущенный в Фессалониках «ad populum urbis Constantinopolitane» («к народу града Константинопольского») эдикт «Cunctos populos» **выражал согласие с положениями, принятыми на Антиохийском соборе 379 г. в империи, вот уже несколько десятилетий официально исповедовавшей христианство, и говорил в пользу католической никейской доктрины. Ее отличала ссылка на наследие, оставленное «божественным апостолом Петром римлянам» и укрепившееся на епископских кафедрах Дамасия в Риме и Петра в Александрии.**⁴⁶ Но еще более определенно император устано-

Валент, которого Иероним (*Chron. ad a.* 367, 245 Helm) определил как преследователя православных христиан: «[Valens] ab Eudoxio Arrianorum episcopo baptizatus nostros persequitur (...) Gothico bello victus in Thracia». В одном послании Иеронима 396 г. появляется красноречивый перечень римских императоров, определяемых или как преследователи (Констанций II, Юлиан и Валент), или как противники никейского вероучения (Валентиниан I и Валентиниан II), и **говорится об их злоключении.** Ср.: Aiello. Costantino 'eretico', cit. (сн. 1). P. 66—68.

⁴⁴ Ambros. De fide II 16, 141; ср.: Paschoud F. Roma aeterna: Études sur le patriotisme romain dans l'Occident latin à l'époque des grandes invasions. Roma, 1967, 188 ss.; Demandt A. Römische Entscheidungsschlachten // Westillyricum und Nordostitalien in der spätrömischen Zeit. Ljubljana, 1996. S. 31—43; Messana V. La politica religiosa di Graziano. Roma, 1998, 43 ss. Об отказе Грациана от обязанностей верховного жреца см.: Cameron A. The Imperial Pontifex // Harvard Studies in Class. Philology. 2007. Vol. 103. P. 341—384 (с предшествующей библиографией).

⁴⁵ Ср.: Ensslin W. La politica ecclesiastica dell'imperatore Teodosio agli inizi del suo governo // «Nuovo Didaskaleion». 1948. T. 2. 15 ss.; Pavan M. La politica gotica di Teodosio nella pubblicistica del suo tempo. Roma, 1964; Paschoud F. Cinq études sur Zosime. Paris, 1975. 125 ss.; Vera D. Teodosio I tra religione e politica: i riflessi della crisi gotica dopo Adrianopoli // Atti Accademia Romanistica Costantiniana. Perugia, 1986. Vol. 5. 223 ss.; Bellen H. Christianissimus imperator: Zur Christianisierung der römischen Kaiserideologie von Constantin bis Theodosius // E fontibus haurire: Beiträge zur römischen Geschichte und zu ihren Hilfswissenschaften. Heinrich Chantaine zum 65. Geburtstag. Paderborn, 1994. 18 ss.

⁴⁶ CTh 16, 1, 2; ср.: Lizzi Testa R. 1) La politica religiosa di Teodosio I. Miti storiografici e realtà storica // Rend. Acc. Lincei, cl. Sc. Mor. 9, 7. 1996, 323 ss.; 2) L'ascesa al trono di Teodosio I // Actas Congreso internacional «La Hispania de Teodosio». Salamanca, 1997. T. 1. 135 ss.; Malcom Errington R. The accession of Theodosius I // Klio. 1996. T. 78. P. 438—453; Sivan H. Was Theodosius I a usurper? // Klio. 1996. T. 78. P. 198—211; Paschoud. Eunape, Olympiodore, Zosime, cit. (сн. 35). P. 367 (о суждениях языческих историков). В 379 г. Грациан выпустил эдикт общего характера против всех форм ереси, в то время как Антиохийский собор подчеркивал единство западных и восточных церквей. С. Th. 16, 5, 5. Ср.: Pietri Ch. 1) Damase et Théodose, communion orthodoxe et géographie politique // Epékthesis: Mélanges Danielou. Paris, 1972. 628 ss.; 2) Roma Christiana. Recherches sur l'Église de Rome, son organisation, sa

вил в эдикте от 10 января 381 г., что только епископы — сторонники никейского учения имеют право занимать соответствующие кафедры.⁴⁷

Центральное положение, приданное Никейскому Символу веры в 381 г., на самом деле отодвигало в тень Константина Великого, поскольку *наследие веры (hereditas fidei)* обрело собственную *традицию (tradition)*. Это оставляло в стороне передачу политического наследия от одного императора к другому, тем более что череда Августов после Константина обнаружила очевидную непоследовательность в религиозной политике, как можно было заметить на примере Юлиана и Валентинианов.

Для образа Константина в IV в. начался новый этап развития. Знаменательны события в Константинополе, когда Констанций II старался сломить сопротивление никейских епископов и ввести в 359 г. «устаревший Символ веры». В восточной столице епископ Македоний совершил вызвавший широкий резонанс поступок, велел вынести саркофаг Константина из Базилики апостолов и временно установить его в церкви св. Акакия до более подходящего размещения в отдельном мавзолее, хотя и тесно связанном с комплексом Базилики апостолов. Это действие, совершенное 9 апреля 370 г. по случаю нового открытия базилики, символизировало при веротерпимом правлении Валентинианов коренной пересмотр самой фигуры первого христианского императора, который мы прослеживаем согласно тексту Иеронима.⁴⁸ Наиболее явный и авторитетный свидетель этого события — Иоанн Златоуст: несколько лет спустя он, будучи пресвитером в Антиохии, цветисто объяснил, что перенос саркофага из базилики в мавзолей был деянием, направленным на разрушение смысловой связи между апостолами и императором именно на примере наиболее почитаемой в то время фигуры — т. е. Константина.⁴⁹

politique, son idéologie de Miltiade à Sixte III (311—440). Roma, 1977. Vol. 1. 856 ss.; *Barone Adesi G.* Primi tentativi di Teodosio il Grande per l'unità religiosa dell'impero // *Atti Academia Romanistica Costantiniana*. 1979. T. 3. P. 47—55, особенно p. 51; *De Giovanni L.* Chiesa e Stato nel Codice Teodosiano: Saggio sul libro XVI. Napoli, 1980. 32 ss.; *Gaudemet J.* Politique ecclésiastique et législation religieuse après l'édit de Théodose I de 380 // *Atti Academia Romanistica Costantiniana*. 1983. Vol. 5. 1 ss.; *Barcelò P., Gottlieb G.* Das Glaubensedikt des Kaisers Theodosius vom 27. Februar 380. Adressaten und Zielsetzung // *Klassisches Altertum, Spätantike und frühes Christentum: Adolf Lippold zum 65. Geburtstag gewidmet*. Würzburg, 1993. 409 ss.; *Criřò.* La chiesa e l'impero nella storia del diritto, cit. (сн. 2). P. 189.

⁴⁷ CTh 16, 5, 6. Постановление адресовано префекту претории Евтропию, автору «Краткого руководства» («Бревиария»).

⁴⁸ Это дата, указываемая хронографами для церемонии «освящения церкви Святых Апостолов»; ср.: *Hieron.* Chron. ad a. 370 Helm. P. 245; Chron. Pasch., СВ. P. 559; *Krautheimer R.* Zu Konstantins Apostelkirche in Konstantinopel // *Mullus: Festschr. Th. Klauser*. 1964. S. 224—229. (Jahrbuch für Antike und Christentum; Suppl. 1); *Dagron.* Naissance d'une capitale, cit. (сн. 12). P. 411; 442 ss.; *Mango C.* Constantine's Mausoleum and the translation of relics // *Byzantinische Zeitschrift*. 1990. Bd. 83. S. 56; *Johnson M. J.* On the burial places of the Valentinian dynasty // *Historia*. 1991. T. 40. 503 ss.; *Lizzi Testa R.* Discordia in urbe: Pagani e cristiani in rivolta // *Pagani e cristiani da Giuliano l'Apostata al sacco di Roma*. Messina, 1995. P. 122 и сн. 30.

⁴⁹ *Iohann. Chrys.* Contra Iudaeos et Gentiles. T. 1. 2, 9. PG. T. 48. Col. 825; Hom. 26 in epist. II ad Corinth. // PG. T. 61. Col. 582. Послание датируется 386—387 гг.; ср.: *Simon M.* Verus Israel. Étude sur les relations entre chrétiens et juifs dans l'Empire romain. Paris, 1964. 140 ss.; *Groß-Albenhausen.* Imperator christianissimus, cit. (сн. 20), 144 ss.; *Sordi M.* L'impero romano-cristiano al tempo di Ambrogio. Milano, 2000, в частности 36 ss.; *Bonamente G.* La figura dell'imperatore in Giovanni Crisostomo // *Omaggio a Rosario Soraci. Politica retorica e simbolismo del primato: Roma e Costantinopoli (secoli IV—VII): Atti del Convegno Internazionale (Catania, 4—7 ottobre 2001)*. Catania, 2004. Vol. 2. P. 183—217.

Иероним, однако, улавливал и фиксировал некоторые темы сложного спора вокруг Константина, указывая на основной аспект дискуссии: отношения с Церковью. Во времена Феодосия и Амвросия модель Константина вступила в полосу кризиса в силу обратного соотношения сил: теперь уже не Константин создавал фундамент для распространения христианской веры, но сама христианская (никейская) вера обеспечивала как императорскую власть, так и ее упорядоченное наследование. В то время как императоры были озабочены единством и выживанием империи, осаждаемой «barbari» («варварами»), а уже не «circumlatrantes» («горлопанами»), Церковь достигла осознания собственной силы, о чем свидетельствуют поступки таких личностей, как Дамасий, Амвросий, Августин, если говорить лишь о самых известных.⁵⁰

И все же, хотя многие аспекты политики Константина оспаривались, его образ остался неопровержимым «историческим» устоем истинной веры; но уход от его исторического измерения привел к изоляции и абсолютизации связи между Константином и Никеей и отнесению на второй план памяти о различных аспектах его политики, а также крещения, полученного в Никомидии.⁵¹

В речи «*De obitu Theodosii*» («**На кончину Феодосия**») 25 февраля 395 г. Амвросий воспользовался торжественным случаем, чтобы сформулировать заново и на новых основаниях сравнение Константина и Феодосия, приписывая первому характер второго и таким образом делая первого христианского правителя прототипом того, кем ему казался (или он хотел, чтобы казался) недавно почивший Август, то есть императором, которого ведет и «обуздывает» закон Христа: решительно оригинальная концепция.⁵²

Амвросию необходимо было изобразить Феодосия среди вечного покоя в Раю. Он действительно развил эту тему с первых фраз до заключения, параллельно экзегетическому и нравственному освещению всего его царствования. Первой характерной чертой его суждения было приписывание императору добродетелей, прославляемых христианской этикой («*Dilexi virum misericordem, humilem in imperio, corde puro et pectore mansueto praeditum, qualem Dominus amare consuevit*»), что было убедительной предпосылкой его канонизации.⁵³ В свою очередь, недавний успех, состоявший в победе над Евгением, последовавшей в 394 г., в завершение царствования, был истолкован как плод Божьего

⁵⁰ *Pietri*. Roma Christiana, cit. (сн. 46), 1278 ss. Выражение «circumlatrantium ubique nationum (...) insania» появляется в «*De rebus bellicis*» (6, 1).

⁵¹ Лишение Никейского собора исторического контекста позволяло, начиная с Амвросия, скрывать активную роль императора Константина и даже представлять этот собор как пример автономии епископов; ср.: *Ambros.* Ep. (32) 75, 15: «sicut factum est sub Constantino Augustae memoriae, qui nullas leges ante praemisit, sed liberum dedit iudicium sacerdotibus»; *Girardet*. Die Teilnahme Kaiser Konstantins am Konzil von Nicaea, cit. (сн. 17). S. 29.

⁵² *Sordi M.* La concezione politica di Ambrogio. 143 ss.; *Neri*. La figura di Costantino negli scrittori cristiani dell'età di Onorio // *Simbolos*. 1995. Т. 1. P. 243—252 (с тщательным сравнением двух императоров); *Rosen Kl.* Geschichte der politischen Ideen: Von der Antike zur Gegenwart. Frankfurt a/M., 1996; на итал. яз.: Il pensiero politico dell'antichità. Bologna, 1999. P. 174; *Lizzi Testa R.* Il vescovo tardoantico: immagine e realtà // *A Companion to Late Antiquity*: Convegno di Studi.

⁵³ Ср.: *Consolino F. E.* L'optimus princeps secondo s. Ambrogio: virtù senatorie e virtù cristiane nelle orazioni funebri per Valentiniano e Teodosio // *Rivista Storica Italiana*. 1984. Т. 96. 1039 ss., *Bonamente G.* Costantino santo, cit. (сн. 13), 764 ss.

суда, и было указано, что истинная основа победы — *в вере (fides)* императора («recognoscitis nempe quos vobis Theodosii fides triumphos adquisiverit»).⁵⁴

Иными были причины, по которым также и Константин попадал в «мир Божий»: отныне были забыты все упоминания о государственных делах первого христианского императора и о его личности, чтобы признать за ним единственное, неоспоримое достоинство — исповедание веры в Бога. Больше ни слова о нем, только рассказ об обретении Креста Еленой, которой также приписывается решение украсить гвоздем из Креста императорский венец, а другой поместить в узду императорского коня.⁵⁵ Так Амвросий создавал достойный доверия образ Константина, построенный по меркам новой политической теологии, новой модели христианского правителя, — образ, коренным образом отличавшийся от «евсевианского», с которым исторический Константин был в полном согласии.

Поставить первого христианского императора во второй ряд Амвросий постарался и в заключительной части речи на кончину Феодосия, когда он кратко пересказал деяние Елены как пример для всех императоров, выдвигая в двух случаях пару, состоявшую из Грациана и Феодосия: Константину оставалось признание его как наставника веры, но только этим двоим приписывалось решительное превосходство.⁵⁶ В этих рамках также упоминание крещения Константина «in articulo mortis» («в момент смерти») имело ограниченную ценность, затененное многозначительным указанием на «hereditas fidei» («наследие веры»), единственную причину водворения его в Раю.⁵⁷ В официальной речи

⁵⁴ *Ambros.* De obitu Theodosii. 7; *Biermann M.* Die Leichenreden des Ambrosius von Mailand. Rhetorik, Predigt, Politik. Stuttgart, 1995. 93 ss. (Historia Einzelschriften; Bd. 70); *Paschoud.* Eunape, Olympiodore, Zosime, cit. (сн. 35), 353 ss. (с предшествующей библиографией).

⁵⁵ De obitu Theod. 47. Об «*invento crucis*» («обретении креста») ср.: *Cyrril.* Hierosol. Epist. ad Const. imp. // PG. T. 33. Col. 1168—1169 (без упоминания Елены); *Rufin.* Hist. eccl. 8. Особенно в неправдоподобном образе использования одного из гвоздей в конской узде очевидна отсылка к пророчеству Захарии: «in illo die erit, quod super frenum equi, sanctum domino omnipotenti»; о пророчестве критически замечает сам Иероним: *Ad Zach.* 14, 20: «audivi a quodam rem, sensu quidem pio dictam, sed ridiculam» («слыхал о сем, что благочестиво есть, однако ж смехотворно»). Ср.: *Steidle W.* Die Leichenrede des Ambrosius für Kaiser Theodosius und die Elena-legende // *Vigilae Christianae.* 1978. T. 32. S. 94—112; *Sordi M.* La tradizione dell'inventio crucis in Ambrogio e Rufino // *Rivista di Storia della Chiesa in Italia.* 1990. Vol. 44. 1 ss.; *Consolino F. E.* Il significato dell'inventio crucis nel de obitu Theodosii // *Annali della Facoltà di lettere e filosofia dell'Università di Siena.* 1984. Vol. 5. 161 ss.; *Sordi M.* Dall'elmo di Costantino alla corona ferrea, in *Costantino il Grande.* Dall'Antichità all'Umanesimo, cit. (сн. 3), 884 ss.; *Drijvers J. W.* Helena Augusta: The Mother of Constantine the Great and the Legend of Her Finding of the True Cross. Leiden; New York, 1992. 79, 84 ss.; *Heinen H.* Helena, Konstantin und die Überlieferung der Kreuzauffindung im 4. Jahrhundert // *Der Heilige Rock zu Trier: Studien zur Geschichte und Verehrung de Tunika Christi.* Trier, 1995. S. 83—117; теперь в: *Heinen H.* Vom hellenistischen Osten zum römischen Westen: Ausgewählte Schriften zur Alten Geschichte. Stuttgart, 2006. S. 425—456. (Historia Einzelschr.; Bd. 191); *Consolino F. E.* La 'santa' regina da Elena a Galla Placidia nella tradizione dell'Occidente latino // *Vicende e figure femminili in Grecia e a Roma: Atti del Convegno, Pesaro, 28—30 aprile 1994.* Ancona, 1995. 471 ss.; *Neri V.* La figura di Costantino, cit. (сн. 51). 252 ss.; *Piredda A. M.* La santità di Elena in occidente tra Tardoantico e Altomedioevo // *Poteri religiosi e istituzioni,* cit. (сн. 11). P. 305—323; *Kolb F.* La storia del diadema da Costantino fino all'età protobizantina // *Costantino il Grande nell'età bizantina,* cit. (сн. 4). P. 51—60, 58.

⁵⁶ *Ambros.* De obitu Theod. P. 51—52.

⁵⁷ *Ibid.* P. 40: «...cui (scl. Constantino) licet baptismatis gratia in ultimis constituto omnia peccata dimiserit, tamen quod primus imperator et post se hereditatem fidei principibus dereliquit, magni meriti locum repperit». Ср.: *Bonamente G.* Potere politico ed autorità religiosa nel «De obitu Theodosii» di Ambrogio // *Italia Sacra.* Roma, 1979. T. 30. 91 ss.; *Girardet.* Die Teilnahme Kaiser Konstantins am Konzil von Nicaea,

подтверждались сведения, приводимые Евсевием и Иеронимом, хотя вслед за Евсевием уклончиво замалчивалось имя крестившего императора епископа.⁵⁸

Итак, Иероним в «Летописании» («Хронике») изображал фигуру первого христианского императора скорее темными красками, чем светлыми, а Амвросий разрушал представление о нем как об образце, подменяя его Феодосием. Между тем в «*Epitome de Caesaribus*» («Кратком изложении о Цезарях»), в сочинениях Аммиана Марцеллина, Никомаха Флавиана и Евнапия соединялись нити языческой историографии и культуры,⁵⁹ сплетаемые с упорством и готовые обнаружиться в моменты столкновений (вспомним прение об алтаре Победы⁶⁰) или трудностей в жизни империи после Адрианополя, захвата власти Евгением и особенно после разграбления Рима Аларихом в 410 г.⁶¹

При этом старание создать идеализированный или хотя бы очищенный от спорных аспектов образ Константина было предпринято историографией христианского толка (особенно в первой половине V в.), представленной Руфином, Сократом, Созоменом и Феодоритом, в чьих сочинениях появляются разнообразные разработки образа Константина, обусловленные доктринальными спорами и внутренними противоречиями Церкви.⁶²

Руфин в своем переводе и продолжении «Церковной истории» Евсевия, завершенном в 402 г., изобразил Константина собравшим Никейский собор по мысли епископов (Hist. Eccl. 1, 1: «Tum ille ex sacerdotum sententia apud urbem

cit. (сн. 17). S. 30. Амвросий излагает тот принцип, что «*principes christiani*» («князья христианские») якобы восходят в рай (*in lumine, в свет*), а узурпаторы Максим и Евгений оказываются в преисподней вместе с Юлианом, но из первых он упоминает лишь Грациана и Феодосия (De obitu Theod. 52: «*ac maxime Gratianus et Theodosius prae ceteris principes*»). **О начале почитания Феодосия с 399 г. и использовании тех же текстов для прославления Константина см.:** Shurgaia. *Santo imperatore*, (сн. 13), 221 ss.

⁵⁸ Речь идет о подробности (арианском крещении), которая и могла бы стать элементом противоречия в его глубокой аргументации с целью определить наследование императорской власти (Константином и Феодосием) как «*hereditas fidei*» («наследие веры»). Ср.: *Fowden G. The last days of Constantine: Oppositional versions and their influence // The Journal of Roman Studies. 1994. Vol. 84. P. 146—170, особ. 153 ss.*

⁵⁹ Ср. выше, сн. 38.

⁶⁰ Отсылаю к работе: *Lizzi Testa R. Christian Emperor, Vestal Virgins, and Priestly Colleges: reconsidering the End of Roman Paganism: (Seminar «The Late Antique Religion and Politics: from Rome to Berlin» for the opening of the Oxford Centre for Late Antiquity. Oxford, 30 september 2007) // An Tard. 2007. Vol. 15. P. 251—262.*

⁶¹ Отсылаю к работе: *Paschoud. Roma aeterna, cit. (сн. 44); см. теперь: Liebschuetz W. Pagan Historiography and the Decline of the Empire // Marasco G. (ed.). Greek and Roman historiography in Late Antiquity, Fourth to Sixth Century A. D. Brill, Leiden-Boston, 2003. P. 177—218 (с обширным обзором исследований). О языческой аристократии см.: Lizzi Testa R. 1) La conversione dei cives, la evangelizzazione dei *rustici*: alcuni esempi fra IV e VI secolo // Città e campagna. LVI Settimana di Studio (Spoleto, 27 marzo — 1 aprile 2008); 2) Il cristianesimo nelle città, il cristianesimo nelle campagne: evangelizzatori ed evangelizzati in Italia (IV—VI secolo) // Quid sit christianum esse: Le problème de «la christianisation du monde antique»: Colloque organisé par Hervé Inglebert, Bruno Dumézil et Sylvain Destephen à l'Université de Paris X—Nanterre, les 26—27—28 mai 2008.*

⁶² Ср.: *Mazza M. Sulla teoria della storiografia cristiana: osservazioni sui proemi degli storici ecclesiastici // La storiografia ecclesiastica nella tarda antichità: Atti del Convegno di Erice (3—8 dic. 1978). Messina, 1980. 335 ss.; Chesnut G. The First Christian Histories. Eusebius Socrates, Sozomen, Theodoret and Evagrius. Paris, 1966; см. теперь статьи, представленные в: Greek and Roman Historiography in Late Antiquity, Fourth to Sixth Century A. D. Leiden-Boston, 2003; Leppin H. The Church Historians (I): Socrates, Sozomenus and Theodoretus. P. 219—254; Marasco G. The Church Historians (II): Philostorgius and Gelasius of Cyzicus. P. 257—287; Whitby M. The Church Historians and Chalcedon. P. 449—495.*

Nicaean episcopale concilium convocat» («Тогда сей епископов по приговору, собор епископский в Никее граде созывает»), по отношению к которым он якобы занял позицию подчинения.⁶³ Дабы отстоять чистоту «hereditas fidei», «наследия веры» (от первого христианского императора до Феодосия), он избрал стратегию замалчивания и обошел проблемные эпизоды своего источника (Евсевия Кесарийского), не упомянув ни убийства Криспа и Фаусты, ни основания Константинополя, ни крещения Константина.⁶⁴

Чтобы объяснить присутствие Евсевия Никомидийского рядом с императором, крестившимся перед смертью, Руфин придал значение версии — «dicitur» («говорят»), — согласно которой Евсевий якобы воспользовался своей ролью хранителя (через пресвитера) завещания Константина, дабы убедить Констанция II вернуть Ария. В действительности Арий был призван самим Константином в 334 г. (и на самом деле смерть ересиарха наступила в 335 г.). Так Руфину удалось оправдать Константина и возложить ответственность за это решение на Констанция II, показав, что только он, а не Константин, оказался под властью Евсевия Никомидийского.⁶⁵

Руфин пожелал также сделать очевидной полную законность престолонаследия 337 г. и принятие власти тремя сыновьями, подчеркнув, что это отвечало воле Константина, в то время как трагическое устранение побочных линий было рассмотрено исключительно как дворцовый заговор, последовавший после его смерти.⁶⁶

В своей «Historia sacra» («Священной истории») Сульпиций Север прежде всего подчеркнул приверженность Константина никейскому вероучению: «imperator decretum episcopale complectitur» («император постановление епископское приял»), указав, однако, на внутренние противоречия в контроле над Церковью (*Chron.* 2, 35: «dum sibi religionis officium videtur implere vim persecutionis exegit»). Основной чертой этого образа императора была прочная связь с Афанасием, подчеркнутая вымышленным намерением вернуть его из изгнания и созвать для этой цели Сердикийский собор — он состоялся в 343 г., т. е. через шесть лет после его смерти: «synodus congregata iam Constantino imperatore

⁶³ *Rufin.* Hist. eccl. 1, 2: «Бог священниками вас соделал и власть вам дал от нас» («Deus vos constituit sacerdotes et potestatem vobis dedit de nobis quoque iudicandi et ideo nos a vobis recte iudicamur»); 1,5: «defertur ad Constantinum sacerdotalis concilii sententia. Ille tamquam a Deo prolatam veneratur». О доктринальных предпочтениях Руфина см.: *Mazza M.* Costantino nella storiografia ecclesiastica: (Dopo Eusebio) // Costantino il Grande: Dall'Antichità all'Umanesimo, cit. (сн. 3). Vol. 2. 670 ss.

⁶⁴ Ср.: *Christensen T.* Rufinus of Aquileia and the Historia Ecclesiastica, Lib. VIII—IX, of Eusebius // *Studia Theologica.* 1980. Vol. 34. 129 ss.; *Aiello V.* Costantino, la lebbra e il battesimo di Silvestro, cit. (сн. 3). P. 46—48 (с библиографией); *Zecchini G.* La storiografia cristiana latina del IV secolo (da Lattanzio ad Orosio) // *I cristiani e l'impero nel IV secolo*, cit. (сн. 1). 187 s.; *Neri V.* La figura di Costantino, cit. (сн. 51). 231 ss.; *Forestier G.* Mythe, histoire et tragédie: de Crispus à la mort de Crispe // *Mélanges Chr. Delmas.* 2002. P. 351—370; *Aiello V.* I silenzi su Costantino, cit. (сн. 1), 289 ss. (здесь анализ «excerptum Valesianum V 28» с замечательным рассуждением о мотивах казни Криспа).

⁶⁵ *Rufin.* Hist. eccl. 1, 12—13; ср.: *Euseb.* Vita Const. 4, 42; *Gelas.* Hist. eccl. 3, 17; *Theodor.* Hist. eccl. 1, 29; Phot. Bibl. 88 (с раскрытием личности пресвитера); *Barnes.* Constantine and Eusebius, cit. (сн. 2). 233 ss.; *Dattrino L.* Introd. a *Rufino:* Storia della Chiesa. Roma, 1986. P. 11—60.

⁶⁶ *Rufin.* Hist. eccl. 1, 12; ср.: *Greg. Naz.* Or. IV. 21, 3—5; *Mazza M.* Le maschere del potere. Napoli, 1986. 3 ss.; *Molè Ventura C.* Teologia politica e successione dinastica nella 'Historia ecclesiastica' di Rufino d'Aquileia // *Hestiasis: Studi di tarda antichità offerti a S. Calderone.* Messina, 1989. Vol. 6. 212 ss.

Athanasium absolvit» («собор сошедшийся Константину императору Афанасия освободил»).⁶⁷

Разграбление Рима Аларихом в 410 г. потребовало мощного историографического и доктринального ответа также и от христиан. Наиболее выразительно он прозвучал в сочинениях Орозия и св. Августина. Первый в семи книгах своей «Истории против язычников» написал мировую историю (от Адама до своих дней: 417 г. новой эры), сближавшую четыре мировых империи с Историей спасения, достигшей высшей точки в отождествлении «tempora christiana» («христианских времен») с Римской империей. Орозий хорошо помнит как «языческую» традицию, представленную Евтропием, так и тексты Иеронима, предлагая исходный образ Константина, но лишенный выразительности, потому что в его концепции мировой истории настоящим поворотным моментом было провиденциальное совпадение начала империи (Августа) и рождения Христа, согласно канонам «теологии Августа», лишившей смысла саму фигуру Константина.⁶⁸

Орозий придал большее значение окончанию преследований Диоклетиана и божественному прижизненному наказанию преследователей, нежели обращению Константина; он также посчитал необходимым умолчать об убийствах Криспа и Лициния, сообщения о которых были найдены им в источниках. Гораздо больше он сосредоточился на теме ереси Ария и теме Никейского собора, ограничив функцию Константина исполнением повелений епископов.⁶⁹ Он даже не указал на крещение, предпочтя обозначить связь между смертью Константина и правильным престолонаследием его сыновей еще одной приметой благотворности «tempora Christiana» («христианских времен»).⁷⁰

Августин Гиппонский тоже сдержанно оценил фигуру Константина в рамках своего нового определения святости власти согласно характеристикам, связанным с его концепцией трансцендентности Царства Божия по отношению к исторической действительности, включая Римскую империю. Константин оставался примером успеха, сопутствующего любимому Богом императору: **«Diu imperavit, universum orbem Romanum unus Augustus tenuit et defendit; in administrandis et gerendis bellis victoriosissimus fuit, in tyrannis opprimendis per omnia prosperatus est, grandaevis aegritudine et senectute defunctus est, filios imperantes reliquit»** («В лице Константина долго царствовал, управлял всей Римской им-

⁶⁷ *Sulp. Hist. s. 2, 36, 5 — 6; CSEL. 1. 89—90 Halm* (исправление «Constantinus» вместо «Constantius» устраняет *lectio facilior e editio princeps* (Базель, 1556), которое лишает текст смысла); см. также: *Theodor. Hist. eccl. 1. P. 30; Aiello. О судьбе известия Иеронима: cit. (сн. 1). P. 225.*

⁶⁸ *Oros. Hist. adv. pagan. 7, 28. Ср.: Corsini E. Introduzione alle Storie di Orosio. Torino, 1968. 200 ss.; Orosio, le Storie contro i pagani. Milano, 1976. Vol. 2. P. 497; Pavan M. Cristiani, ebrei e imperatori romani nella storia provvidenzialistica di Orosio, in Chiesa e società dal secolo IV ai nostri giorni: Studi storici in onore di P. Ilarino da Milano. Roma, 1979. T. 1. (Italia sacra; Vol. 30), теперь в: Pavan M. Tra classicità e cristianesimo: Scritti raccolti in memoria / A cura di G. Bonamente. Roma, 1995. 513 ss.; Lippold A. Orosius und seine Gegner // Hestiasis, cit. (сн. 66). Vol. 1. 163 ss.; Baglivi N. Costantino nelle 'Historiae adversus paganos' di Paolo Orosio // Orpheus. 1989. Vol. 9. 311 ss.; Neri. Medius princeps, cit. (сн. 5), 231 ss.; Polichetti A. Le 'Historiae' di Orosio e la storiografia ecclesiastica occidentale (311—417 d. C.). Napoli, 2000. 207 ss.*

⁶⁹ *Oros. Hist. adv. pagan. 7, 28, 26; но здесь не говорится об убийстве супруги Фаусты. О выбранных темах и о работе с источниками см.: Neri. La figura di Costantino, cit. (сн. 52). 234 ss.*

⁷⁰ *Oros. Hist. adv. pagan. 7, 28, 31: «Cumque bellum in Persas moliretur, in villa publica iuxta Nicomediam, dispositam bene rempublicam filiis tradens».*

перией и защищал ее один Август. Блистательнейшими победами сопровождались его военные походы и сражения; для подавления тиранов все обстоятельства благоприятствовали ему; умер он в весьма преклонных годах от болезни и старости, оставив правителями империи своих сыновей»).⁷¹ Однако различие между *felicitas* (счастьем, которое не является необходимым следствием Божественного провидения) и *aeterna felicitas* (вечным счастьем, которое есть абсолютное и трансцендентное состояние) влекло за собой различную оценку примера Константина по отношению к Феодосию, представляемому в свою очередь как образец императора «pius et misericors» («благочестивого и милостивого»).⁷²

В напряженной историографической разработке V в. одновременно с христорологическими спорами, на фоне которых происходило столкновение между великими патриаршими престолами, и еще более важное — между Римом и Константинополем, стремившимися к первенству, постоянно присутствовавшая фигура Константина имела несколько функциональных определений с важными умолчаниями и искажениями.

Главным героем двенадцати книг «Церковной истории» (с 300 по 425 г., написанных до 433 г.)⁷³ Филосторгия является Констанций II по причине своей приверженности арианскому учению. Среди прочего он освобождается от ответственности за уничтожение побочных линий наследования на следующий день после смерти Константина; напротив, именно Константину приписаны отрицательные черты, как из-за убийства сына Криспа и жены Фаусты, так и потому, что он вызвал гнев домашних, которые отравили его.⁷⁴

И все же Константин оставался ориентиром и для арианской традиции, находившей веский довод в пользу его авторитета в том факте, что первый хри-

⁷¹ De civ. Dei. 5, 25. Кроме того, основание Константинополя казалось ему знаком божественного благоволения, а также эмблематическим выражением новой религиозной политики: «(Constantinus) cui etiam condere civitatem Romano imperio sociam velut ipsius Romae filiam, sed sine aliquo daemonum templo simulacroque concessit»; ср.: Paschoud. Roma aeterna, cit. (сн. 44). 234 ss.; Courcelle P. Jugements de Rufin et de saint Augustin sur les empereurs de IV siècle et la défaite suprême du paganisme // Revue des études anciennes. 1969. Vol. 71. 100 ss.; Cracco Ruggini L. Simboli di battaglia ideologica nel tardo Ellenismo (Roma, Atene, Costantinopoli; Numa, Empedocle, Cristo) // Studi storici in on. O. Bertolini. Pisa, 1972. Vol. 1. 177 ss.; Bonamente G. Eutropio e la tradizione pagana, cit. (сн. 4). P. 50; D'Elia S. Storia e teologia della storia nel 'De civitate dei' // La storiografia ecclesiastica nella tarda antichità: Atti del Convegno di Erice, 3—8 dicembre 1978. Messina, 1980. 451 ss.; Szidat J. Constantin bei Augustin // Revue des Etudes. 1990. August. 36. P. 243—286.

⁷² Aug. De civ. Dei. 5, 24 (где представлен перечень добродетелей, возводящих императора на степень божества); 5, 26, 1 (Феодосии); ср.: Aug. Contra litt. Petil. 2, 208; Szidat. Constantin bei Augustin. 248; Neri. La figura di Costantino, cit. (сн. 51). 248 ss. (с библиографией и отдельным рассуждением на эту тему); Isola A. Agostino, un pastore di fronte al potere: Il contributo dei sermones Dolbeau: Convegno di Studi.

⁷³ «Terminus ante quem» этого несохранившегося сочинения устанавливается по умолчанию о пожаре, который, согласно другим историческим свидетельствам, случился в Константинополе в этот год. Ср.: Bidez J. Philostorgius: Kirchengeschichte. 3 / Bearbeitete Auflage von F. Winkelmann. Berlin, 1981. 26 ss.; Zecchini G. Filostorgio // Metodologia della ricerca nella tarda antichità: Atti del I Convegno dell'Associazione di Studi Tardoantichi: Napoli, 16—18 ott. 1987. Napoli, 1989. 579 ss.

⁷⁴ Philost. Hist. eccl. 2, 4; 2, 16 (Филосторгий — единственный христианский автор, упоминающий убийство Криспа и Фаусты); ср.: Zecchini G. Filostorgio // Metodologia della ricerca nella tarda antichità. 581 ss.; Leppin H. Heretical Historiography: Philostorgius. 2001. 114 ss. (Studia Patristica; T. 26); Barnes. Constantine and Eusebius, cit. (сн. 2). P. 262 (о происхождении известия об отравлении); Tantillo I. Filostorgio e la tradizione sul testamento di Costantino // Athenaeum. 2000. Vol. 88. 559 ss.; Bleckmann B. Konstantin in der Kirchengeschichte Philostorgs // Millennium: Jahrbuch zu Kultur und Geschichte der ersten Jahrtausends nach Christ. 2004. Bd. 1. S. 185—231.

стианский император все больше удалялся от никейского вероучения и принял арианство, следуя по пути, увенчавшемуся крещением от Евсевия Никомидийского. И именно рассказ об этом епископе как хранителе завещания для передачи Констанцию II становился ключевым при повествовании о смерти Константина Великого.⁷⁵

Сократ и Созомен, оба сторонники Константинополя, вдохновлялись, в свою очередь, никейским вероучением (с сильной зависимостью второго от первого) в составлении «Церковной истории», где затрагивались различные аспекты религиозной политики Константина и в частности — вопрос о его обращении, с опорой на «Vita Constantini» («Житие Константина»).⁷⁶

Сократ (его «История» в 7-ми книгах обнимает период от Константина до 439 г.) обошел молчанием негативные аспекты, такие как расправа с родными и предосудительные вмешательства в экономику, вызвавшие полемику среди язычников,⁷⁷ а также конфискация имущества храмов, о чем нашел известие, среди своих источников, у Евсевия Кесарийского.⁷⁸ При этом он не утаил то известие, что Константин был крещен за несколько дней до смерти на окраине Никомидии, умолчав, однако, об имени крестившего. Большое внимание он уделил положениям завещания Константина, выделив два аспекта: раздел царства между тремя сыновьями и пожалование привилегий двум городам — Риму и Константинополю. Завещание якобы было доверено «тому пресвитеру, уже упомянутому, по чьему вмешательству вновь был призван Арий», с поручением передать его Констанцию II. Кажется очевидным, что Сократ был заинтересован поставить в один ряд Рим и Константинополь среди забот умирающего Константина и хотел поддержать «афанасианское» православие, снимая упоминание о крещении, осуществленном Евсевием Никомидийским.⁷⁹

Более сложно построение Созомена в 9-ти книгах (с 325 г., третьего консулата Криспа и Константина, до 439 г.), посвященное Феодосию II в 443—444 г. Его история написана в никейской перспективе с отчетливой антиарианской направленностью — однако с определенным отстранением от богословских споров, — и в ней царствование Константина разделено на два периода: до и после Никейского собора (им заканчивается повествование первой книги), начиная с которого он якобы начал испытывать вредное влияние Ария.⁸⁰

⁷⁵ Филосторгий относил руководство Никейским собором к периоду, когда Константин явил свое нечестие, умертвив (после собора!) сына Криспа и супругу Фаусту, так что его отравление братьями оказывалось оправданным как наказание за нечестие, проявленное во время руководства собором (*HE* 2,4); ср.: *Elliot Th. G. Constantine and 'the Arian reaction after Nicaea' // Journal of Ecclesiastical History*. 1992. Vol. 43. 169 ss.

⁷⁶ *Mazza. Costantino nella storiografia ecclesiastica*, cit. (сн. 63). P. 659—692; *Leppin H. Von Constantin dem Großen zu Theodosius II: Das christliche Kaisertum bei den Kirchenhistorikern Socrates, Sozomenus und Theodoret*. Göttingen, 1996, особ. 40—59.

⁷⁷ См. выше, сн. 39.

⁷⁸ Особ.: *Euseb. Triak.* 8, 3—4; 9, 6; *Vita Const.* 3, 54—58; ср. выше, сн. 41.

⁷⁹ *Socrat. Hist. eccl.* 1, 39: «Константин распоряжения в завещании дал, коим трех сыновей наследниками царской власти установил, каждому его часть указуя, как делал еще при жизни. Оставил в наследство многие преимущества городу римлян и тому, что имя его носил, завещание свое пресвитеру упомянутому своему отдал, чрез которого Арий призван был. Потребовал же никому его не передавать кроме сына Констанция, Востоком управлявшего».

⁸⁰ *Sozomène, Histoire ecclésiastique // Sources Chrétiennes*. Paris, 1983. Vol. 306. P. 27; 48 ss. (с особым упором на: *Hist. eccl.* 7, 17, 8; 27, 7); 60 s.

Используя в качестве прямого источника «Церковную историю» Сократа, Созомен отдалился от нее и непосредственно приблизился к враждебной Константину историографии языческого происхождения,⁸¹ например к «Истории» Евнапия Сардского, в вопросе о времени и причинах обращения Константина, которому он посвятил пятую главу первой книги.⁸² Основываясь на цитатах из законодательных текстов, доступных ему также в недавно появившемся «Кодексе Феодосия», и предлагая точную хронологию, он многими аргументами опроверг «эллинскую» версию, имевшую хождение в его время⁸³ и видевшую в семейных преступлениях и невозможности их искупить причину обращения в христианство.⁸⁴

Обращение Константина в христианство произошло якобы тогда, когда он находился еще в префектуре Галлии в начале войны против Максенция, как показывает тот факт, что император предпринимал начинания христианского толка уже с первых лет правления, вмешиваясь в спор с донатистами.⁸⁵

Чтобы вернуть Константина в никейскую традицию, Созомен оправдал его доктринальные заблуждения, приписав ответственность за них Арию и его последователям Евсевию Никомидийскому и Феогниду Никейскому. Обманы и ложные клятвы, к которым Арий якобы прибегнул, чтобы обольстить Константина, принимают в «Церковной истории» повествовательное измерение в эпизоде смерти ересиарха в отхожем месте: отвратительное было оправдано как риторический ход для введения темы божественной кары.⁸⁶

В свою очередь, о крещении в Никомидии рассказывается в заключении второй книги, вместе с описанием смерти и погребения в Константинополе. Оно является элементом единой обобщающей картины, где Константин опи-

⁸¹ Ср. выше, сн. 38—40 и 61.

⁸² *Sozom. Hist. eccl.* 1, 5, 1: «Однако известно мне, что эллины говорят, будто Константин, некоторых самых близких своих устранив и в убиении сына своего Криспа участвовав, раскаялся и для очищения присутствия философа Сопатра искал»; ср.: *Sabbah. Sozomène, cit.* (сн. 79), Introduction, 73; *Baldini. Il filosofo Sopatro, cit.* (сн. 42). P. 265—286.

⁸³ Ср.: *Downey G. The perspective of the early Church Historians // Greek, Roman and Byzantine Studies.* 1965. Vol. 6. P. 65; *Sabbah. Sozomène, cit.* (сн. 80). 74 s. (совпадения с Кодексом Феодосия и заметки о «светском» и необычном характере этой аргументации); *Grünwald. Constantinus Maximus Augustus, cit.* (сн. 6). S. 145.

⁸⁴ Ср.: *Sozom. Hist. eccl.* 1, 5; Созомен не отмечает, что Константин изменил вере (*fides*), приказав убить Лициния и своего «*magister officiorum*» Мартиниана, а также Лициния Младшего, который к тому же был его племянником, а также не говорит об устранении племянников Дельмация и Ганнибалиана, уже назначенных цезарями Константином, соответственно, царем Армении и цезарем с полномочиями над Фракией, Македонией и Ахеей (*Epit. de Caes.* 41, 19—20), во время борьбы за престолонаследие, развернувшейся в Византии после его смерти. См. выше, сн. 14.

⁸⁵ Ср.: *Mazzini I. Lettera del Concilio di Arles (314) a papa Silvestro tradita dal codex Parisinus latinus 1711: Dubbi intorno alla sua autenticità // Vigiliae Christianae.* 1973. T. 27. 282 ss.; *Girardet M. 1) Kaisergericht und Bischofsgericht, cit.* (сн. 25); 2) *Konstantin der Große und das Reichskoncil von Arles (314): Historisches Problem und methodologische Aspekte // Oecumenica et patristica: Festschrift W. Schneemelcher zum 75. Geburtstag.* Stuttgart, 1989. 151 ss.; *Bonamente G. La svolta costantiniana, cit.* (сн. 1). P. 97 (речь идет о 311 г.); *Fraschetti A. La conversione: Da Roma pagana a Roma cristiana.* Bari, 1999. 15 ss.; *Callu J.-P. Naissance de la dynastie constantinienne: le tournant 314—316 // Humana sapit, cit.* (сн. 30). 111 ss.; *Livrea E. Costantino nella storiografia ecclesiastica del V secolo: Alcuni sogni e visioni // Bizantinistica.* 2003. Vol. 2, N 5. 169 ss.

⁸⁶ *Sozom. Hist. eccl.* 2, 30, 1—3. В тексте очевидна прямая связь между предупреждением Константину о возможности кары Божьей, ложной клятвой Ария и непосредственно последовавшей за нею его смертью. Ср.: *Rufin. Hist. eccl.* 10, 14.

сывается как тот, чьи успехи были следствием божественного благоволения: сам он стал первым императором, положившим начало мощному развитию Церкви, оставил упорядоченное наследство и умер счастливым благодаря полученному крещению.⁸⁷

Созомен демонстрирует хорошее знание хронологии жизни Константина, в которой были четко разделены крещение, осуществленное в Никомидии, и «обращение». Принимая во внимание апологетическую направленность его изложения, нужно учитывать, что такое известие, как крещение Сильвестра, будь оно доступно Созомену, больше подошло бы его задаче.⁸⁸

Феодорит Киррский привнес в историографию отзвуки спора о монофизитстве, в котором он принял непосредственное участие своими двенадцатью обвинениями против Кирилла, стоившими ему лишения епископской кафедры после Эфесского собора 449 г.⁸⁹ Его «Церковная история» («*Historia ecclesiastica*», с 323 по 429 гг.), датируемая собственно промежутком с 444 по 449 г., продолжала в 5-ти книгах Историю Евсевия и ставила своей целью обличить «безумство Ариево».⁹⁰ Это определение расчлняется на три важнейших элемента: отношения Константина и Ария; отношения Константина и Афанасия; крещение (произведенное Евсевием Никомидийским). С самого начала труда, где Константин определен как «император, Богом возлюбленный»,⁹¹ и до конца посвященной ему книги (первой) к нему относятся стихи из Первой Книги царств: «Я прославлю прославляющих Меня, а бесславящие Меня будут постраданы».⁹²

Как большая заслуга Константина расценивается то, что он созвал Никейский собор, следил за его ходом и благопритствовал участию епископов, разделяя их заботы, однако проявляя при этом самое глубокое почтение к их

⁸⁷ *Sozom. Hist. eccl.* 2, 32, 7; 34, 4.

⁸⁸ На самом деле традиция, повлиявшая на «*Actus Sylvestri*», содержит хронологические неувязки между разными частями: в то время как «*altercatio*» датируется 312 г., к настоящему обращению (с крестильной купелью) применяется хронологическая отсылка, относящая его к более ранним годам, и в частности, к периоду, когда Константин стал единственным Августом, после поражения или после смерти Лициния («*Constantinus igitur imperator, pater Augustorum, monarchiam tenens*»); речь идет о датировке, на которой настаивала языческая традиция (начиная с Юлиана Отступника и Евтропия) и которая развернута во всей ее полемической силе в сочинении: Zosimo 2, 29, 1, а затем: Zonara (*Chron.* 13, 2, 175—179 Dindorf). См. об этом: Aiello. Costantino, la lebbra e il battesimo di Silvestro, cit. (сн. 3). P. 30—38; *Studer B.*, s. v. Silvestro I Papa // *Dizionario patristico e di antichità cristiane*. 1984. Vol. 2. P. 3196; *Paoli E.* s. v. Silvestro I // *Dizionario storico del Papato*. 1996. Vol. 2. 1380 s.

⁸⁹ Кафедра была ему возвращена в результате вмешательства папы Льва Великого и с одобрения императора Маркиана в Халкедонии через два года, за что ему пришлось предать анафеме теперь уже Нестория и признать титул «*Theotòkos*» («Богородица») за Девой Марией; он и его писания снова были осуждены при Юстиниане на Константинопольском соборе 553 г.

⁹⁰ Ср.: *Theodoret. Kirchengeschichte*. Berlin, 1954. (Griechischen Christlichen Schriftsteller; Bd. 44); *Winkelmann F.* Konstantins Religionspolitik und ihre Motive im Urteil der literarischen Quellen des 4. und 5. Jahrhunderts // *Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1961. Bd. 9. 243 ss.; *Croke B.* Dating Theodoret's Church History and Commentary on the Psalms // *Byzantion*. 1984. Vol. 54. P. 59—74.

⁹¹ *Theodor. Hist. eccl.* prol. 4; 1, 12, 2; 7 (здесь находится письмо Евсевия Кесарийского, относящееся к Никейскому Символу веры, где Константин назван «Богом возлюбленный»).

⁹² 1 Цар. 2: 30; *Theodor. Hist. eccl.* 1, 34, 3. Ему присваиваются эпитеты «благочестивый» («благочестивейший»: 1, 9, 3 и 1, 12, 17; мать Елена давала ему «питание благочестия»: 1, 18, 1); «великий» (1, 13, 1); «равноапостольный» (1, 2 и 1, 25, 14).

прерогативам.⁹³ Но лейтмотивом становятся отношения Константина и Афанасия (стабильные, несмотря на поочередное вмешательство противников). Эта тема пронизывает всю первую книгу и достигает высшей точки в повествовании о последних моментах жизни императора, когда он якобы выразил волю призвать из изгнания человека, символизировавшего никейское православие.⁹⁴ Дабы окончательно освободить императора от ответственности за навязанное им общение Ария с епископом Александрии, приводилось письмо, где Афанасий обстоятельно обличал Ария в ложной клятве и сокрытии собственных убеждений с целью обмануть императора.⁹⁵

Крещение, принятое в Никомидии, объясняется желанием креститься в Иордане;⁹⁶ поэтому утверждается, что наследование престола тремя сыновьями соответствовало указаниям Константина; сразу же после этого подчеркнута воля императора вернуть Афанасия на Александрийскую кафедру и дано объяснение, что только обман «присутствовавшего»⁹⁷ Евсевия помешал тому, чтобы подобная точная воля превратилась в повеление.⁹⁸

На то, что эта последняя тема — решение призвать обратно Афанасия — должна была рассматриваться как главенствующая, указывает способ, которым Феодорит показывает, как сам Константин уже давно заметил лживость Евсевия,⁹⁹ и подчеркивает вышеупомянутый обман, сравнивая его с библейским эпизодом, где Давида обманывает раб.¹⁰⁰

⁹³ *Theodor. Hist. eccl.* 1, 7, 2; 1, 10, 2. Сочинение Феодорита свидетельствует о решительном преобразовании учения о дозволности вмешательства императора в дела церковные, появившегося при Феодосии II; показательно известие, согласно которому император якобы просил у епископов разрешения сидеть среди них: 1, 7, 9. Ср.: *De Giovanni L.* Chiesa e Stato nel codice Teodosiano, cit. (сн. 46). P. 184; *Mazza.* Costantino nella storiografia ecclesiastica, cit. (сн. 63). P. 687.

⁹⁴ Феодорит упоминает письмо, в котором Константин вскоре после избрания Афанасия епископом Александрийским (8 июня 328 г.) отвергал обвинения против него, подтверждая свое ему доверие; Тирский собор также представлен таким образом, чтобы снять с Константина ответственность за изгнание Афанасия в Тревире (Трир), оправдывая его тем, что он был якобы обманут епископами, обвинявшими Афанасия в саботировании продовольственных поставок. (*Theodor. Hist. eccl.* 1, 27); ср.: *Athan. Apol. contra Arian.* P. 62; *Socrat. Hist. eccl.* 1, 27, 38.

⁹⁵ *Theodor. Hist. eccl.* 1, 14, 8: повествование строится на темах клятвоступления Ария, предостережения Константину и кары Божьей, повлекшей за собой смерть Ария в неприглядных обстоятельствах и воспрепятствовавшей его действительному церковному причастию: «так обоих вещей лишен был: причастия и жизни». Ср.: *Leroy-Molingén L.* La mort d' Arius // *Byzantion.* 1968. Vol. 38. 105 ss.

⁹⁶ *Theodor. Hist. eccl.* 1, 32, 1. В скрытом виде оправдывается также позднее крещение; ср.: *Mazza.* Costantino nella storiografia ecclesiastica, cit. (сн. 63). 690 s.

⁹⁷ Феодорит следует знаменитому примеру, представленному «Житием Константина» (*Vita Constantini* 4, 62, 1—4) (Никомидия указана в качестве места присутствия наибольшего количества епископов, но Евсевий Никомидийский не упомянут), приводя известие о присутствии Евсевия Никомидийского (I, 32, 2: «несмотря на присутствие Евсевия и его попытки убедить его в обратном, приказал, чтобы великий Афанасий вернулся в Александрию»), но скрывает тот факт, что он совершил крещение.

⁹⁸ *Theodor. Hist. eccl.* 1, 30; ср.: *Barnes.* Athanasius and Constantius, cit. (сн. 19). 25 ss.

⁹⁹ *Theodor. Hist. eccl.* 1, 20, 7.

¹⁰⁰ Ср.: 2 Цар. 19: 27. Феодорит даже разрабатывает противопоставление из библейского текста, предлагая следующий хиазм: если Давид, пророк Божий, был обманут простым рабом, то Константин был обманут согласными голосами многих епископов. Эта формулировка отношений между Константином и Евсевием Никомидийским последовательно готовилась в течение всей книги и метила прямо в Евсевия Никомидийского весьма тяжким обвинением: в том, что он был епископом, который презрел каноникальный запрет на переход с одной кафедры на другую, что он действительно совершил после смерти Константина, покинув Никомидию, чтобы занять епископскую

Проспер Тирон Аквитанский, уже будучи последователем Августина и позже близким сотрудником Льва Великого, привел известие о крещении от Евсевия Никомидийского; в «Летописи» («Хронике»), относящейся к 455 г., он соединил положения Иеронима, как для того, чтобы обойти молчанием семейные преступления, так и для того, чтобы ввести двусмысленный термин «rebaptizatus» («перекрещенный») в рассказ о крещении: «Constantinus extremo vitae suae tempore ab Eusebio, Nichomediae rebaptizatus in Arrianum dogma declinans moritur» («Константин при последних временах жизни своей, от Евсевия Никомидийского перекрещен, в Ариево учение склоняясь, умирает»)¹⁰¹.

И все же можно заключить, что историографические и доктринальные споры о Константине и в Риме (Лев Великий), и в Константинополе (Феодосий II и Маркиан), а также на патриарших кафедрах Антиохии и Александрии не дали никакой почвы для вымысла, — о крещении от Сильвестра. Однако вымысел этот, кажется, начинает вызревать в те же самые годы.¹⁰² Тогда же развивались основные повествовательные мотивы (настоящие мифемы) рассказа о жизни Константина со стремлением по-новому представить известие о его обращении и крещении, а также о его отношениях с городом Римом. В годы, близкие к Халкидонскому собору, даже наиболее решительные сторонники никейского православия Константина действительно хранили традицию Никомидийского крещения, не решаясь вычеркнуть его из исторической памяти и стараясь полностью оправдать Константина другим способом.

В середине V в. образ Константина еще был крепко укоренен в исторической традиции, внутри которой центральной темой возвышалась его роль на Никейском соборе, а в спорном вопросе о крещении наблюдались постоянные попытки замалчивания или истолкования в зависимости от доктринальных предпочтений.

кафедру Константинополя в 338 г. (Hist. eccl. 1, 19, 2; 21, 1). Соединяя вместе факты, относимые к царствованиям Константина и Констанция II, Феодорит приписывает Евсевию Никомидийскому сложный характер епископа, действующего против канонов и все время совершающего обманы.

¹⁰¹ Chronicon 1046 // Monumenta Germaniae Historica. 9, Chr. Min. 1, 452. Это выражение появляется также в произведениях: *Chronica Gallica*, 475 // Monumenta Germaniae Historica. 9, Chr. Min. 1, 643; см.: *Barbàra M. A. Introduzione a Prospero d' Aquitania, la vocazione dei popoli* // Testi patristici. Roma, 1998. Vol. 143. Против толкования термина «rebaptizatus» как указания на второе арианское крещение после первого, которое, следовательно, было православным, остается тот факт, что, если бы автор хотел говорить о втором крещении, то, наверное, смог бы упомянуть и первое: *Aiello*. 1) Costantino «eretico», cit. (сн. 1). P. 56; 2) La fortuna della notizia geronimiana su Costantino «eretico», cit. (сн. 1), 226 s.

¹⁰² *Dölger F. J. Die Taufe Konstantins und ihre Probleme* // Konstantin der Große und seine Zeit: Festgabe für Konstantins-Jubiläum 1913 und zum goldenen Priesterjubiläum von Mgr. Anton de Waal. Freiburg i. B., 1913. 415 s. (Некоторые выражения Сильвестра, относящиеся к природе Христа, почти буквально воспроизводят христологическое определение Халкидонского собора); ср.: *Levison W. Konstantinische Schenkung und Silvesterlegende* // Miscellanea F. Ehrle: Scritti di storia e paleografia. 1924. Vol. 2. P. 159—247, см. в: *Aus rheinischer und fränkischer Frühzeit: Ausgewählte Aufsätze*. Düsseldorf, 1948. S. 390—465, 402 ss.; *Pohlkamp W.* 1) Kaiser Konstantin. Der heidnische und der christliche Kult in den Actus Sylvestri // Frühmittelalterliche Studien. 1984. Bd. 18. 363 ss.; 2) Textfassungen, literarische Formen und geschichtliche Funktionen der römischen Sylvester-Akten // Francia: Forschungen zur Westeuropäischen Geschichte. 1992. Bd. 19, N 1. 149 ss.: для двух первых редакций (A1 и B1) несомненный «terminus a quo» — это понтификат Дамасия (366—384), а «terminus ad quem» — понтификат Симмаха (498—514); *Canella T. Gli Actus Sylvestri: Genesis di una leggenda su Costantino imperatore*. Spoleto, 2006. XXI ss.

Грозившая неизбежность доктринальных столкновений, нашедших некоторое примирение на Халкидонском соборе, требовала актуализирующего и потенциально метаисторического взгляда: на заседании 25 октября 451 г., дабы выразить признательность императору Маркиану и его супруге Пульхерии за предпринятое ими восстановление единства Церкви, измученной противостоянием несториан и монофизитов, епископы присвоили новоиспеченным самодержцам титулы «нового Константина» и «новой Елены», чтобы подчеркнуть преемственность Никейского и Халкидонского соборов, а также жизненность примера Константина.¹⁰³

На протяжении всей первой половины V в. христологические споры, ведшие к борьбе Нестора с Кириллом, заново определили отношения между основными епископскими кафедрами христианского мира: патриаршей кафедрой Александрии, где сидел Кирилл, и кафедрой Константинополя, куда был рукоположен в 428 г. Нестор. На Эфесском соборе 431 г. Кирилл сумел навязать самому Константинополю александрийскую формулу «Матерь Божья», добившись успеха, укрепленного вторым Эфесским собором 8 августа 449 г., «*latrocinium Ephesinum*» («разбоем Эфесским»), подтвердившим антинесторианские положения и отвергшим исходивший из Рима вероучительный документ «*Tomus ad Flavianum*» («Послание к Флавиану»). Снова насильственные действия александрийцев помогли им одержать верх: сам Флавиан был избит и умер вскоре после нападения.¹⁰⁴

Но ситуация развивалась решительно к выгоде обеих столиц, Рима и Константинополя, хотя и по разным причинам и в силу разных обстоятельств, и к вреду Александрии. Лев Великий стремился к первенству Римской церкви над всеми остальными во имя наследия Петра и в западной части уже добился власти «*omnium episcoporum primas, totius ecclesiae princeps*» («всех епископов примаса, всей церкви князя»), также благодаря одобрению Валентиниана III (Nov. XVII от 8 июля 445 г.), что являлось суррогатом единства Западной империи, уже не существовавшего в политическом и военном плане.

Поддерживая власть Льва I над церквями Арля и всего Запада, император действительно переносил на папу отныне скомпрометированное политическое наследие, поскольку западные провинции были захвачены аланами, бургундами, франками и визиготами. И в этих провинциях особенно духовенство, более многочисленное, чем редкие аристократы, изолированные в собственных загородных резиденциях, или жалкие обедневшие городские декурионы, под конец стало представлять преемственность городской культуры и юридической традиции.

¹⁰³ Acta Conciliorum oecumenicorum, Conc. Chalced. Actio VI, 1, 2, 351 Schwartz 115; также и в Деяниях Константинопольского собора 448 г. епископы провозгласили Феодосия II «новым Константином» и «*archierèus*» («архиереем») [ACO II, 1, 1]. Ср.: Ewig. Das Bild Constantins des Großen, cit. (сн. 3). 6 s.; Aiello V. Cassiodoro e la tradizione su Costantino // Cassiodoro dalla corte di Ravenna al Vivarium di Squillace: Atti del convegno intern. di studi (Squillace, 25—27 ott. 1990). Soveria Mannelli; Messina, 1994. P. 133; Gallina M. Novus Constantinus: Temi di memoria costantiniana nella propaganda imperiale a Bisanzio // Annali della Facoltà di Lettere e Filosofia di Macerata. 1994. Vol. 27. 33 ss.; Rizzo F. P. Vicem praesentiae meae implere: A proposito della presidenza a Calcedonia, in Politica retorica e simbolismo del primato: Roma e Costantinopoli, cit. (сн. 49). 39 ss.

¹⁰⁴ Teja R. La «tragedia» de Efeso (431): herejía y poder en la antigüedad tardía. Universidad de Cantabria, 1995. 62 ss.

Восхождение Маркиана на восточный престол, на следующий год после «разбойного собора» 439 г., создало условия для дальнейшего развития замыслов Льва Великого: на Четвертом Вселенском соборе в Халкидоне (8 октября 451 г.) была признана законность «Послания» («*Tomus*») и для восточных епископов. Александрийская кафедра теряла почву ввиду договоренности между двумя имперскими кафедрами, в результате Восток подписал «Послание к Флавиану» («*Tomus ad Flavianum*»), а Рим принял также (правило 28) для патриарха Константинопольского достоинство, равное достоинству епископа Римского, что означало равенство духовных отцов нового и старого Рима.¹⁰⁵

Хотя папа Лев I не ратифицировал 28-е правило и вступил в открытый конфликт с императором и патриархом Константинопольским Анатолием, Константинополь увенчал таким образом инициативу, сделавшую значительные шаги на Вселенском соборе 381 г., а затем в распоряжении Феодосия II в 421 г., к признанию приоритета своего патриарха перед всеми восточными епископами, в том числе и перед Александрийским.¹⁰⁶ Халкидонский собор, вместо того чтобы прекратить распри между Церквями, санкционировал разделение, уже происходившее между Западом и Востоком на уровне политики. Отнюдь не второстепенным фактором была для представителей Запада трудность чтения вероучительных трактатов на греческом языке: Целестин I недвусмысленно объявил, что знает об обстоятельствах несторианского спора по латинским переводам, предоставленным ему Кириллом.¹⁰⁷

Между тем структура Западной империи подверглась жестокому испытанию сначала нападением вандалов в Африке, потом Аттилы в 451 г. и разграблением Рима Гейзерихом в 455 г. и, наконец, низложением Ромула Августула.¹⁰⁸

¹⁰⁵ Nov. XVII: «...sedis apostolicae primatum sancti Petri meritum, qui princeps est episcopalis coronae, et Romanae dignitas civitatis...»; ср.: *Maccarrone M.* La dottrina del primato papale dal IV all'VIII secolo nelle relazioni con le chiese occidentali // *Le chiese nei regni dell' Europa occidentale e i loro rapporti con Roma sino all'800: VII Settimana di Studi.* Spoleto, 7—13 aprile 1959. Spoleto, 1960. 633 ss.; *De Marini Avonzo F.* Codice Teodosiano e Concilio di Efeso // *Atti Academia Romanistica Costantiniana.* Perugia, 1981. Vol. 5. 105 ss.; *Bianchini M.* Chiesa e impero d' Occidente a confronto alla metà del V secolo // *Quaderni Catanesi: Studi in memoria di S. Mazzarino.* 1989. Vol. 2, N 1. 5 ss.; *Dagron G.* Constantinople, la primauté après Rome // *Politica retorica e simbolismo del primato: Roma e Costantinopoli,* cit. (сн. 49). 27 ss.

¹⁰⁶ Ср.: СТН 16, 2, 45 = С. I. 1, 2, 6; *Leo Magnus.* Epist. 106 ad Anatolium P. L. 54, 1007 AB; Epist. ad Marcianum imperatorem 104, P. L. 54, 995; *Monachino V.* Il Canone 28 di Calcedonia. L'Aquila, 1979; *Dagron G.* Constantinople, la primauté après Rome, cit. (сн. 105). 26 ss.; *Elia F.* Sui 'privilegia urbis Constantinopolitanae' // *Politica retorica e simbolismo del primato: Roma e Costantinopoli,* cit. (сн. 49). 97 ss. Еще остаются сомнения относительно смысла участия патриарха Константинопольского Анатолия в коронации императора Льва I в 457 г., поскольку церемониал состоял из двух инвеститур: первая из них, согласно римской традиции, осуществлялась солдатами, и только во второй участвовал патриарх; лишь начиная с Фоки единый акт инвеституры производился патриархом. В любом случае подчеркивалась двойная независимость Византии от Рима — политическая и религиозная. Ср.: *De Caerim.* 410 ss.; *Ensslin W.* Zur Frage nach der ersten Kaiserkrönung durch den Patriarchen und zur Bedeutung dieses Aktes im Wahlzeremoniell // *Byzantinische Zeitschrift.* 1942. Bd. 42. 101 ss.; *Baynes N. H.* Alexandria and Constantinople: A study in ecclesiastical diplomacy // *Journal of Egyptian Archaeology.* 1926. Vol. 12; непечен.: *Byzantine studies and other essays.* London, 1955. P. 97—115; *Dagron.* Empereur et prêtre, cit. (сн. 16). P. 103; *Lilie R.-J.* Die Krönungsprotokolle des Zeremonienbuchs und die Krönung Kaiser Leons I. // *Dissertationum criticae: Festschrift für Günther Christian Hansen.* Würzburg, 1998. 395 ss.

¹⁰⁷ *Teja R.* La «tragedia» de Efeso (431), cit. (сн. 104). 62 ss.

¹⁰⁸ *Prosp.* Chron. a. 452, P. L. 51, 603 c; ср.: *Roda S.* L'aristocrazia senatoria occidentale al tempo di Attila: L'ideologia oltre la crisi dell'impero // *La parte migliore del genere umano: Aristocrazie, potere e ideologia nell'Occidente tardoantico.* Torino, 1996. 294 ss.; *Cavalcanti E.* La predicazione di Leone Magno a Roma // *La comunità cristiana di Roma,* cit. (сн. 12). 248 ss. (с библиографией).

Исследователи сходятся в том, что такой была доктринальная и культурная обстановка, в которой был разработан миф о крещении Константина в Риме Сильвестром. Только после первой половины V в. действительно обнаружилось все условия для создания подобной легенды, прославлявшей первенство Римской церкви и подготавливавшей самую плодородную почву для размежевания западной культуры и историографической традиции с культурой и историографией христианского Востока.

Между 482 г. (обнародованием «Декрета о единстве», или «Henotikòn», Зеноном) и готской войной, начатой в 535 г. Юстинианом, житийная легенда о крещении Константина Сильвестром приняла стабильные очертания и начала хождение как элемент доктринального и политического противостояния. Образ Константина в тесной *iunctura* (*связке*) с Римом и Никейским Символом веры находил свой естественный фон в обозначившемся разрыве между Западом и Востоком по причине Акакианской схизмы. Тем временем в Италии религиозная политика арианина Теодориха держалась в шатком равновесии также перед лицом борьбы внутри самой римской общины между двумя папами, Симмахом и Лаврентием.¹⁰⁹

Этот ансамбль легенд, известный в широкой традиции и во многих редакциях,¹¹⁰ есть результат слияния трех отдельных мотивных ядер, соотносимых с различными контекстами и обозначаемых как собственно «Actus Sylvestri» («Деяние Сильвестрово»), «*Conversio Constantini*» («Обращение Константиново») и, наконец, как «*Altercatio*» («Прение») Сильвестра с двенадцатью раввинами.¹¹¹ В «Обращении» повторяются некоторые темы, соединяющиеся, чтобы создать «очищенный» образ Константина, тесно связанный с Римом через Петра (и Павла) и Сильвестра.¹¹²

— Верховные жрецы Капитолия (*Capitolii pontifices*) призывают Константина, больного проказой в наказание за преследование христиан, принять омоложение в крови трех тысяч убитых детей, но он в ужасе отказывается;

¹⁰⁹ Aiello. Cassiodoro e la tradizione su Costantino, cit. (сн. 103). 136 ss.; Sardella T. Società Chiesa e Stato nell'età di Teoderico: Papa Simmaco e lo scisma laurenziano. Soveria Mannelli, 1996; Pohlkamp W. Konstantin der Große und die Stadt Rom im Spiegel der römischen Silvester-Akten // Kaiser Konstantin der Große, cit. (сн. 3). S. 87—111. О смысле прихода (*adventus*) Теодориха в 500 г., во время которого посещение базилики св. Петра предшествовало посещению исторического центра города (*Exc. Vales. 64: «rex Theodericus Romam et occurrit beato Petro devotissimus ac si catholicus»*), см.: Vitiello M. Teoderico a Roma: Politica, amministrazione e propaganda nell'adventus dell'anno 500 (considerazioni sull'Anonimo Valesiano II') // Historia. 2004. T. 53. 73 ss.; Liverani P. Interventi urbani a Roma tra il IV e il VI secolo // Cristianesimo nella storia. 2009. Vol. 29. 15 s.

¹¹⁰ De Leo P. Ricerche sui falsi medievali, I: Il «*Constitutum Constantini*»: compilazione agiografica del secolo VIII: Note e documenti per una nuova lettura. Reggio Calabria, 1975 (текст издания: Mombrilius, p. 153 ss.); Loenertz R. J. Actus Sylvestri: Genèse d'une légende // Revue d'histoire ecclésiastique. 1975. Vol. 70. P. 427; Pohlkamp. Textfassungen, cit. (сн. 102). S. 115—196. Традиция «Деяний Сильвестровых» делится по трем языкам на сирийскую, греческую и латинскую (последняя отличается своим единством); ср.: Parente F. Qualche appunto sugli 'Actus beati Sylvestri' // Rivista Storica Italiana. 1978. Vol. 90. 881 ss.; Frascchetti. La conversione, cit. (сн. 85). 109 ss.; Dagron. Empereur et prêtre, cit. (сн. 16). P. 157—159; Shirinian E. A. The Armenian version of «*Vita Sylvestri*» // Armenian perspectives. 10th Anniversary. confer. of the Association Internationale des Etudes Arméniennes. London, 1998. 69 ss.; Canella. Gli Actus Sylvestri, cit. (сн. 102), XIII ss.

¹¹¹ О трудностях выделения исторического контекста, в котором конфликт Сильвестра с евреями действительно мог бы иметь место, см.: Aiello. Costantino, la lebbra e il battesimo di Silvestro, cit. (сн. 3). P. 22.

¹¹² Actus Sylvestri 209—292; 295—313; 314—430. Ср. также ниже, сн. 120.

— ночью ему являются в видении Петр и Павел и предлагают омыться в воде крещения, приготовленной Сильвестром;

— Константин призывает Сильвестра, узнает в представленных ему иконах апостолов Петра и Павла и готовится к крещению;

— после крещения в Латеранском дворце Константин выпускает несколько законов и среди них закон, признающий за епископом привилегию главенства над всем христианским миром: «Quarta die privilegium ecclesiae Romanae pontifici contulit, ut in toto orbe Romano sacerdotes ita hunc caput habeant sicut omnes iudices regem» («На четвертый день превосходство Церкви Римской понтифику придал, дабы во всем мире Римском священнослужители сего главой имели, как все судьи владыку»)¹¹³

Константин, крещенный епископом Римским Сильвестром I (314—335), который занимал кафедру Петра в течение большей части правления самого Константина, удовлетворял по крайней мере двум требованиям. Первое, более явное, — подчеркнуть главенство Рима (*caput*) в Церкви; второе, не менее важное, — отстоять никейское православие первого христианского императора, стерев из исторической памяти крещение, связывавшее его с Евсевием Никомидийским (и с Арием).¹¹⁴ *Terminus ante quem* начала хождения на Западе «Actus (beati) Sylvestri (apostolicae sedis praesulis)» («Деяние (блаженного) Сильвестра (апостольского престола покровителя)»), удостоверяемый «*Decretalis de libris recipiendis et non recipiendis*» («Декретом о книгах приемлемых и неприемлемых»),¹¹⁵ относит сочинение к доктрине папы Геласия I о разделении политической власти и епископских полномочий и о первенстве Римской церкви. «Обращение Константиново» трудами Сильвестра облекало в житийные образы наделение епископа Римского полномочиями, уже отстаиваемыми Львом I, частично принятыми Халкидонским собором и утверждаемыми самим Геласием. Оно было полезно, чтобы обосновать упоминанием Константина Великого учение, уже навязанное Римской церковью Западу и с переменным успехом предлагаемое Востоку.¹¹⁶

¹¹³ Actus Sylvestri 473—475; ср.: Pohlkamp W. 'Privilegium ecclesiae Romanae pontifici contulit': Zur Vorgeschichte der Konstantinischen Schenkung // Fälschungen im Mittelalter: Intern. Kongreß der M. G. H., München, 16.—19. sett. 1986. Hannover, 1988. Bd. 2. 425 ss.; Falbo G. Il primato della chiesa di Roma alla luce dei primi quattro secoli. Roma, 1989.

¹¹⁴ Ср.: Pietri. Roma Christiana, cit. (сн. 46). 1168 ss.; Studer B. Silvestro I Papa // Dizionario patristico e di antichità cristiane. 1984. Vol. 2. P. 3196; Paoli E. Silvestro I // Dizionario storico del papato. 1996. Vol. 2. 1380 s.; То, что Сильвестр I был замешан именно в процесс за «traditio» («предание»), предполагает автор работы: Aiello V. Cronaca di una eclisse: Osservazioni sulla vicenda di Silvestro I vescovo di Roma // Il tardoantico alle soglie del Duemila: Diritto religione società: Atti del Convegno naz. dell'Associazione di Studi Tardoantichi: Genova, 3—5 giugno 1999. Genova, 2000. 13 ss., сн. 60 (Сильвестр не участвовал ни в Арелатском, ни в Никейском соборе).

¹¹⁵ Decretum Gelasianum de libris recipiendis et non recipiendis. 4, 4, 3. Leipzig, 1912: «...item actus beati Sylvestri apostolicae sedis praesulis, licet eius qui conscripserit nomen ignoretur, a multis tamen in urbe Roma catholicis legi cognovimus et pro antiquo usu multae hoc imitantur ecclesiae». Этот апокриф, приписываемый папе Гормизду, датируется 494 г.; ср.: Pietri. Roma Christiana, cit. (сн. 46). Т. 1. 881 ss.; Mordek H. s. v. Decretum Gelasianum // Lexikon des Mittelalters. München; Zürich, 1986. Bd. 3. 624 s.; Pohlkamp. Textfassungen, cit. (сн. 102). 126 ss.; Ullmann W. Gelasius I. (492—496). Stuttgart, 1981. 239 ss.

¹¹⁶ Ullmann W. Gelasius I. (492—496). Das Papstum an der Wende der Spätantike zum Mittelalter. Stuttgart, 1981. 257 ss.; Grossi V. Il Decretum Gelasianum: Nota in margine all'autorità della Chiesa di Roma alla fine del V secolo // Augustinianum. 2001. Vol. 46, N 1. P. 231—255. Систематическое сопоставление

В этот тревожный момент сторонники Симмаха составили и распространили «Симмаховы апокрифы» — четыре текста, отрицавшие полномочия королевской власти над епископом Римским.¹¹⁷ Среди них «Constitutum Sylvestri» («Закон Сильвестров») представлял именно тему «Деяния Сильвестрова» (исцеление Константина от проказы трудами Сильвестра) и решительно формулировал принцип, согласно которому занимавший римскую кафедру не подчинялся ни власти (королевской или императорской), ни какому-либо другому церковному начальству: «Nemo enim iudicabit primam sedem (...) neque ab Augusto, neque ab omni clero, neque a regibus, neque a populo iudex iudicabitur» («Никто же первый престол судить не будет (...) ни от Августа, ниже от всякого клира, ниже от царя, ниже от народа судия судим не будет»)¹¹⁸ Связь с Сильвестром имела свою вероучительную и дисциплинарную функцию, связанную непосредственно с актуальными вопросами, при неослабном противостоянии арианства и католичества, вновь возникшем в отношениях между епископами Рима и Византии, с одной стороны, и между первыми и остготским королем — с другой.

«Симмаховы апокрифы» могли строиться на множестве повествовательных мотивов, представленных в гомилетике, в которой выделяются тексты Геласия Кизикского и Якова Саругского. Первый своей «Церковной историей», написанной около 475 г., внес свой вклад в злободневный спор, подчеркнув, что Константин Великий был крещен «православным», имени же его он не привел.¹¹⁹ К тому же периоду можно отнести гомилию монофизита Якова Саругского (где не назван епископ, крестивший Константина). Она опиралась на агиографическую традицию, свойственную сирийскому региону, основывающуюся на теме прокаженного Константина, излеченного крещением.¹²⁰

Еще более неотложной необходимостью найти для Рима новые престижные ориентиры в исторической традиции делало также низложение Ромула Августа, и особенно акт, которым в 476 г. Одоакр передал императору Византии Зенону власть над Италией, а следовательно, над Римом, к вящей выгоде кон-

христологии Халкидонского собора и представленной в «Деянии Сильвестровом» см.: *Pohlkamp*. *Textfassungen*, cit. (сн. 102). 178 ss.

¹¹⁷ О разных этапах редактирования текста см.: *Wirbelauer E.* Zwei Päpste in Rom: der Konflikt zwischen Laurentius und Symmachus (418—514): Studien und Texten // *Quellen und Forschungen zur Antike Welt*. München, 1993. Bd. 16. S. 72; 246; *Aimone P. V.* Gli autori delle falsificazioni simmachiane // *Il papato di San Simmaco: Atti del Convegno internazionale di studi*: Oristano, 19—21 nov. 1998. Cagliari, 2000. 66 ss.; *Wirbelauer E.* Simmaco e Lorenzo: Ragioni del conflitto negli anni 498—506 // *Ibid.* P. 39—51; *Cagnella*. *Gli Actus Sylvestri*, cit. (сн. 102). P. 15.

¹¹⁸ *Constitutum Sylvestri can.* XX 27 ed. Constant; cp.: *Pohlkamp*. *Textfassungen*, cit. (сн. 102). S. 181; *Aiello*. *Cassiodoro e la tradizione su Costantino*, cit. (сн. 103). 1994. P. 142; *Fuhrmann H.* Die Fälschungen im Mittelalter // *Historische Zeitschrift*. 1963. Vol. 197. 529 ss.; *Gaudemet J.* Les sources du droit de l'Église en Occident du IIe au VIIe siècle. Paris, 1985. 97 ss.; *Vacca S.* Prima sedes a nemine iudicatur: Genesi e sviluppo storico dell'assioma fino al Decreto di Graziano. Parma, 1993; *Grossi V.* Il 'Decretum Gelasianum', cit. (сн. 115). 231 ss.

¹¹⁹ *Phot.* *Bibliotheca*. 88; cp.: *Winkelmann F.* Die Quellen der *Historia ecclesiastica* des Gelasius von Cyzicus (nach 475) // *Byzantinoslavica*. 1966. Bd. 27. 104 ss.; *Ehrhardt C. T. H. R.* Constantinian documents in Gelasius of Cyzicus *Ecclesiastical history* // *Jahrbuch für Antike und Christentum*. 1980. Vol. 23. 48 ss.

¹²⁰ Наиболее правдоподобная датировка — около 473 г. Cp.: *Frothingham A.* L'omelia di Giacomo di Sarûg sul battesimo di Costantino imperatore // *Atti Accad. Lincei. Mem. Classe scienze morali*. 280. 1882/83, 167—242, spec. 167 ss.; *Parente*. Qualche appunto sugli 'Actus beati Sylvestri', cit. (сн. 109). 881 ss.; *Kazhdan*. *Constantin imaginaire*, cit. (сн. 3). P. 209; *Scott R.* The image of Constantine in Malalas and Theophanes // *New Constantine: the rhythm of Imperial renewal in Byzantium, 4th—13th centuries*. Aldershot, 1994. P. 60.

стантинопольского патриаршего престола. Но именно период Лаврентиевой схизмы стал решающим, поскольку противостояние Симмаха и Лаврентия подвергло суровому испытанию и критерии легитимации епископа Римского, и отношения между религиозными полномочиями (Рим и различные епископские кафедры) и политической властью, в лице остготского короля Теодориха. Преодолев самый трудный момент противостояния внутри Римской общины и воспользовавшись при этом поддержкой короля, Симмах добился значительного успеха в 502 г., когда король Теодорих объявил собор в Риме, чтобы возвести на него обвинение, но не смог добиться своей цели, поскольку епископы, подстрекаемые самим Симмахом, не признали за королем права судить.¹²¹

Топика, присущая эпохе Теодориха, топика свободы вероисповедания, с отсылкой к примеру Константина, ставит «Обращение Константиново»¹²² в тесную связь с текстами Кассиодора, документирующими и объясняющими политику равновесия между католиками, арианами и евреями, проводимую Теодорихом.¹²³ Историческая основа этого аспекта религиозной политики Константина¹²⁴ и ее присутствие в текстах Евсевия Кесарийского (особенно в двух эдиктах к поместным владыкам Востока)¹²⁵ делают менее специфичной, хотя и не исключительной подобную топикку, поскольку эта тема может разрабатываться и в других исторических контекстах.¹²⁶ Однако систематическое сопоставление лексики и концептов в «Деянии Сильвестровом» («Actus Sylvestri») и

¹²¹ О серьезных волнениях, вспламенивших жизнь римлян в 498—506 гг. вследствие Лаврентиевой схизмы, см.: *Picotti G. B.* 1) Osservazioni su alcuni punti della politica religiosa di Teodorico // *I Goti in Occidente: Problemi*, CISAM 3. Spoleto, 1956. 173—226, особ. 188—200, и 235—262 (выступления по этому докладу); 2) *I sinodi romani nello scisma laurenziano*, in *Studi storici in onore di G. B. Volpe*. Firenze, 1958. Vol. 2. P. 743—786; *Pietri Ch.* 1) Le sénat, le peuple chrétien et les partis du cirque à Rome sous le pape Symmaque (498—514) // *Mélanges d'archéologie et d'histoire*. 1966. Vol. 78. P. 123—139 = *Pietri*. Roma Christiana, cit. (сн. 46), 2. P. 771—787; 2) Aristocratie et société cléricale dans l'Italie chrétienne au temps d'Odoacre et de Théodoric // *Mélanges de l'École Française de Rome. Série Antiquité* Roma. 1981. Vol. 93. P. 418—467; *Llewellyn P. A. B.* The Roman Church during the Laurentian schism: priests and senators // *Church History*. 1976. Vol. 45. 417 ss.; *Zecchini G.* I Gesta de Xysti purgatione e le fazioni aristocratiche a Roma alla metà del V secolo // *Rivista di Storia della Chiesa in Italia*. 1980. Vol. 34. 60 s.; *Wirbelauer*. Zwei Päpste in Rom, cit. (сн. 117). 347 ss.; *Aiello*. Cassiodoro e la tradizione su Costantino, cit. (сн. 103). P. 139; *Sardella*. Società, Chiesa e Stato nell'età di Teodorico, cit. (сн. 108); *Girardet Kl. M.* Gericht über den Bischof von Rom // *Historische Zeitschrift*. 1998. Bd. 229. 1 ss.

¹²² М. р. 172, ll. 605—610: «Inter divina humanaque servitia hoc interest ut humana servitia coacta sint, divina autem voluntaria comprobentur. Deus enim, quia mente colitur et sincero hominum veneratur affectu, spontanea eius debet esse cultura».

¹²³ О взаимоотношениях с евреями см.: Var. 2, 27; 3, 45; 4, 33; 5, 37; *Simon M.* Verus Israel: Étude sur les relations entre chrétiens et juifs dans l'Empire Romain (135—425). Paris, 1964. 383 ss.; *Cracco Ruggini L.* Pagani, ebrei, cristiani: odio sociologico e odio teologico nel mondo antico // *Gli Ebrei nell'Alto medioevo: Atti della XXVI Settimana Intern: Studio del Centro Italiano di Studi sull'Alto Medioevo*. Spoleto, 1980. 76 ss.; *Pesce M.* Cassiodoro e gli Ebrei: provvedimenti politici e riflessione teologica: Dalle Variae al Comento ai Salmi // *Annali di Storia dell'esegesi*. 1999. Vol. 16, N 2. 379 ss. О взаимоотношениях католиков и ариан см.: *Cassiod.* Var. 3, 17; 10, 26; *Chronica minora 1* // *Monumenta Germaniae Historica*. 1892. T. 9. P. 322 (об этом тексте неизвестного Валесиана см. основополагающий комментарий: *Giardina A.* Cassiodoro politico. Roma, 2006. 102 ss.); *Vitiello*. Teoderico a Roma, cit. (сн. 109). 107 ss.; *Canella*. Gli Actus Sylvestri, cit. (сн. 102). 135 ss. (с текстами и библиографией); 144.

¹²⁴ *Marcone A.* La politica religiosa: dall'ultima persecuzione alla tolleranza // *Storia di Roma*. Torino, 1993. Vol. 3, N 1. 242 ss.

¹²⁵ См. выше, сн. 21.

¹²⁶ О развитии темы сосуществования разных культов в религиозной политике Константина и об апологетическом использовании этого аргумента в эпоху «Известия об алтаре Победы» («Relatio de ara Victoriae») см. выше, сн. 60.

у Кассиодора дает приемлемую аргументацию для датировки «Деяния» эпохой папы Симмаха и короля Теодориха.¹²⁷

В свою очередь, другой Симмахов апокриф, «Деяния Либериевы» («Gesta Liberii»), предложил новую версию крещения, совершенного Сильвестром в избавление Константина от проказы, и также нейтрализовал известие о крещении от Евсевия Никомидийского (о нем все еще можно было узнать из «Хроники» Иеронима). В них было указано, что крещенный император был Констанций II, а не Константин Великий.¹²⁸

Особенно важно также, что «Книга епископская» («Liber Pontificalis») в ее редакции первых лет VI в. (535 г.) **придала каноническую форму жизнеописанию папы Сильвестра I с использованием «Деяния Сильвестрова»¹²⁹ в сочетании с посвящением св. Сильвестру базилики на земле Эквициев (восходящей к III в., ныне римская церковь св. Мартина в Горах) и с помещением туда его изваяния трудами папы Симмаха.**¹³⁰

Если разделение Запада и Востока избавило Рим от прямого сопротивления восточного противника его притязаниям на первенство в качестве престола Петрова, облеченным в агиографическую форму «Деянием Сильвестровым», то на Востоке пожелали восстановить единство империи, и там создались новые, но столь же благоприятные условия восприятия «Деяния». Восточная империя тоже проходила через тяжелый внутренний кризис, наиболее острыми моментами которого были мятеж 512 г. (Trisagion, Трисвятие) и мятеж военачальника Фракии Виталиана 513 г. Отказавшись от политики монофизитства, Анастасий снова начал переговоры с Римом, где после смерти Симмаха папой был Гормизд (514—523), поспешивший выдвинуть догматическую формулу полномочий папы в делах веры в «Книжице об исповедании веры» («Libellus de professione

¹²⁷ *Canella*. Gli Actus Silvestri, cit. (сн. 102). 166 s. (сопоставительная таблица).

¹²⁸ *Gesta Liberii* 2, PL 8, 1389: «...a lepra mundatum fuisse per Silvestrum Constantinum»; ср.: *Aiello*. La fortuna della notizia geronimiana su Costantino 'eretico', cit. (сн. 1). 230 s.

¹²⁹ L. P. 1, 96 (170 Duchesne): «(Silvester) baptizavit Constantinum Augustum, quem curavit Dominus per baptismum a lepra»; ср.: *Loenertz*. Actus Sylvestri, cit. (сн. 89). 426; *Llewellyn P. A. B.* The Roman clergy during the Laurentian schism (498—506): A preliminary analysis // *Ancient society*. 1977. Т. 8. P. 247; *Aiello V. 1*) Aspetti del mito di Costantino in Occidente, cit. (сн. 3). P. 93; 2) La fortuna della notizia geronimiana su Costantino «eretico», cit. (сн. 1). P. 231 (Vita Felicis, LP 1, 207—211 Duchesne: «Nec declaravit Constantium filium Constantini hereticum et rebaptizatum secundo ad Eusebio Nicomedense...», где Никомидийское крещение снова приписано Констанцию II); *Girardet*. Die Teilnahme Kaiser Konstantins am Konzil von Nicaea, cit. (сн. 17). 38 s.; *Geertman H. 1*) Documenti, redattori e la formazione del testo del Liber Pontificalis // *Atti del Colloquio internazionale II Liber Pontificalis e la storia materiale*, Roma, 21—22 febbraio 2002, Mededelingen van het Nederlands Instituut te Rome: Papers of the Netherlands Institute in Rome. 2003. Vol. 60/61. 267 ss.; 2) Le biografie del Liber Pontificalis dal 311 al 535: Testo e commentario // *Ibid.* 285 ss.; *Carmassi P.* La prima redazione del Liber Pontificalis nel quadro delle fonti contemporanee: Osservazioni in margine alla vita di Simmaco // *Ibid.* 236 ss. (о датировке и смежных вопросах). См. также выше, сн. 116.

¹³⁰ *Fragmentum Laurentianum* // *Monumenta Germaniae Historica. Gesta. Pontif. Roman.* Berlin, 1898. Т. 1. IX гг. S. 12—14; L. P. 1, 170—171 e 187; ср.: *Loenertz*. Actus Sylvestri, cit. (сн. 89). P. 427. Почитание Сильвестра — один из первых публичных культов в Риме, посвященных «confessor» («исповеднику веры»), его «dies festus», **празднование внесено в чин литургии Льва Великого; о почитании Сильвестра см.: Coccia E. Il titolo di Equizio e la basilica dei SS. Silvestro e Martino ai Monti // Rivista di Archeologia Cristiana**. 1963. Т. 39. 237 s.; *Amore A.* Silvestro I // *Bibliotheca Sanctorum*. 1968. Vol. 2. Col. 1077—1079. О надписи (titulus) см.: *Pietri*. Roma Christiana, cit. (сн. 46). Т. 1. P. 17—21; Т. 2. 1197 s.; *Serra S.* SS. Silvester et Equitius, titulus // *Lexicon Topographicum Urbis Romae*. Roma, 1999. Vol. 4. P. 325—328; *Lizzi Testa*. Senatori, popolo, papi, cit. (сн. 43). 103 ss.

fidei»). С приходом к власти Юстина в 518 г. Константинополь постарался формально отказаться от «Декрета о единстве» («Henotikōn») и принять формуляр Гормизда с явным признанием со стороны как императора, так и патриарха.

Последствия возобновления связи Константинополя с Римом почувствовали на себе и остготское королевство, и такие его представители как Северин Боэций, выросший в кругу Симмахов. Он полностью осознавал расхождение двух частей империи, но был приверженцем политики посредничества, жертвой которой и стал, когда после смерти в 523 г. папы Гормизда Юстин стал проводить политику нетерпимости по отношению к евреям, язычникам и арианам. Неудача миссии папы Иоанна I в Константинополе закончилась в том же 526 г. смертью папы в тюрьме, смертным приговором Боэцию и тестю Симмаха и кончиной самого Теодориха.¹³¹

Сближение Юстина и Юстиниана с папством во имя никейского православия и борьбы с готами позволило «Деянию Сильвестрову» распространиться на Востоке. В церкви св. Полиевкта, построенной в Константинополе Аникией Юлианой в 524—527 гг., имелась не дошедшая до нас мозаика, посвященная теме очищения Константина водою.¹³² С учетом функции культурного и политического посредничества, взятой на себя сенаторским родом Аникиев, можно считать допустимым предположение, что в этом случае распространение известия о крещении от Сильвестра (без упоминания, как кажется, темы проказы) дало художественное и монументальное воплощение сближению с Римской церковью.¹³³

Кассиодор, сменивший Северина Боэция на должности *начальника служб (магистра оффиций, magister officiorum)* при арианине Теодорихе и его преемнике Аталарихе (526—534), представил в своих «Хрониках» («Летописях») 519 г. Константина таким, каким его образ создается в тексте Иеронима. По-видимому, текст этот был известен Кассиодору (он передает известие, что император умер в окрестностях Никомидии), но был исправлен устранением «арианского» крещения, что, предположительно, понравилось бы остготским королям.

¹³¹ См.: *Ruggini L.* Economia e società nell' «Italia annonaria»: Rapporti fra agricoltura e commercio dal IV al VI secolo d. C. Milano, 1961 (перезд.: Bari, 1995). 205 ss.; *Leonardi C.*, s. v. Boezio // Dizionario biografico degli Italiani. Roma, 1969. Vol. 11. 142 ss.; *Cracco Ruggini L.* Nobiltà romana e potere nell'età di Boezio // Atti del Convegno intern. di Studi Boeziani: Pavia, 5—8 ottobre 1980. Roma, 1981. 71 ss.; с изменениями: Teoderico il Grande e i Goti d'Italia: Atti del XII Convegno internazionale di Studi sull'alto Medioevo: Spoleto, 2—6 novembre 1992. Spoleto, 1993; *Saitta B.* La civiltas di Teoderico: **Rigore amministrativo**, «tolleranza» religiosa e recupero dell'antico nell' Italia Ostrogota. Roma, 1993; Teoderico e i Goti fra Oriente e Occidente. Ravenna, 1995; *Pizzani U.* Le lettere di Teoderico a Boezio e la mediazione culturale di Cassiodoro // Cassiodorus. 1998. Vol. 4. 141 ss.; *Averil Cameron.* Justin I and Justinian // Cambridge Ancient History. Cambridge, 2000. Vol. 14. 70 ss.; *Di Paola L.* «Roma caput mundi» e «natalis scientiae sedes»: Il recupero della centralità di Roma in epoca tardoantica // Politica retorica e simbolismo del primato: Roma e Costantinopoli, cit. (сн. 49). 127 ss.

¹³² Anth. Palat. 1, 10, 71—73; ср.: *Kazhdan.* Constantin imaginaire, cit. (сн. 3). 209 s.; *Fowden G.* Constantine, Silvestre and the Church of S. Polyeuctus in Constantinople // Journal of Roman Archaeology. 1994. Vol. 7. 278 ss.; *Milner C.* The image of the rightful ruler: Anicia Juliana's Constantine mosaic in the Church of Hagios Polyeuktos // New Constantines, cit. (сн. 120). P. 79.

¹³³ О модели Юстиниана см.: *Ensslin W.* Gottkaiser und Kaiser von Gottesgnaden // Sitzungsab. Bayer. Akad. der Wiss., Philos.-Hist. Kl. Heft 6. München, 1943. 53 ss.; *Dagron.* Empereur et prêtre, cit. (сн. 16). 160 s.; *Cracco Ruggini L.* La funzione simbolica di eroi, re e imperatori, in Politica retorica e simbolismo del primato: Roma e Costantinopoli, cit. (сн. 49). 1. 379 ss.; *Russo.* Costantinopoli: Architettura e scultura nei primi secoli, cit. (сн. 12). 43 ss.

Только в годы пребывания в Константинополе, во время самого тяжелого периода греко-готской войны, Кассиодор счел уместным в своей «Церковной истории в трех частях» («*Historia ecclesiastica tripartita*») вернуться к разговору о крещении Константина в Никомидии. При этом он учитывал все известные ему источники (Сократа, Феодорита и Созомена), склоняясь все же к версии Феодорита, которая в остальном была самой близкой к исторической истине и наиболее явно придерживалась никейского вероучения.¹³⁴

Кассиодор, должно быть, знал версию о крещении от Сильвестра. Можно, однако, предположить, что поначалу, — во время составления «Хроники» («Летописи»), — он счел уместным обсудить тему сравнения епископа Симмаха и короля Теодориха. При этом позже, в «Истории церковной в трех частях», он мог подпасть под влияние перспективы, свойственной Константинопольскому двору, которому понравилась бы «православная» версия крещения от Сильвестра, но гораздо менее пришлась бы по душе его «римская» составляющая в тот момент, когда Византия завоевывала Рим.¹³⁵

Также в «Гетиках» («О происхождении и деяниях гетов») Иордана, составленных в Константинополе в 551—552 гг., есть отзвук злободневного напряжения: к Константину восходил первый «союз» («*foedus*») с готами, прототип важнейшего договора, заключенного Феодосием Великим, ставшего в свою очередь признанием равного достоинства готы и римлян. При этом аспекты религиозной политики Константина обойдены самым глубоким молчанием, хотя Иордан занимает совершенно ясную противоярианскую позицию во всем своем труде. В работе, которую Иордан посвятил папе Вигилию, «*De summa temporum vel origine actibusque gentis Romanorum*» («О свершении времен, или О происхождении и деяниях народа римлян», от Ромула до 551 г.), перспектива мировой истории, сосредоточенная на Ромуле — Августе — Юстиниане, в конце концов обошла без поворота, представленного Константином Великим: «...*vel quomodo regum series a Romulo et deinceps ab Augusto Octaviano in Augustum venerit Iustinianum* (...) *pandam*» (Rom. 1—2) («...иначе, чтобы я — будь то совсем бесхитроно! — показал тебе в своем изложении, как родословная царей, начинаясь от Ромула, а затем от Августа Октавиана, дошла до Августа Юстиниана»). Соответствие этому молчанию о Константине можно обнаружить в лакуне, представленной всей рукописной традицией именно относительно происшествий от Диоклетиана до Юлиана, которая истолковывалась как цензурное вмешательство в предполагаемую исходную редакцию симмахинской направленности.¹³⁶

¹³⁴ Cass. Chron. 1069, Monumenta Germaniae Historica. 11, 2, 466; Momigliano A. Gli Anicii e la storiografia latina del VI secolo d. C. // Rendiconti dell'Accademia dei Lincei. 1956. Vol. 8. P. 11; теперь в: Secondo contributo alla storia degli studi classici. Roma, 1960. 242 ss.; Momigliano A., s. v. Cassiodoro // Dizionario biografico degli Italiani. Roma, 1978. T. 21. 494 ss.; Mazza M. La 'Historia tripartita' di Flavio Magno Aurelio Cassiodoro Senatore: metodi e scopo // Flavio Magno Aurelio Cassiodoro: Atti della Settimana di studi. Cosenza Squillace, 19—24 settembre 1983. Soveria Mannelli, 1986. 210 ss.; Aiello. La fortuna della notizia geronimiana su Costantino «eretico», cit. (сн. 1). P. 232.

¹³⁵ Aiello. Cassiodoro e la tradizione su Costantino, cit. (сн. 103). P. 157; Capizzi C. Giustiniano I tra politica e religione. Soveria Mannelli, 1994.

¹³⁶ Cp.: Luiselli B. Sul De summa temporum di Jordanes // Romanobarbarica. 1976. T. 1. 115 ss.; Amici A. Iordanes e la Storia gotica. Spoleto, 2002. 17 ss.; Eadem. Iordanes e la tradizione su Costantino // Bizantinistica. 2003. Vol. 2, N 5. 194—196 (с анализом пассажей о Константине).

Но в историографии эпохи Юстиниана отнюдь нет недостатка рецепции крещения от Сильвестра: мы можем видеть это в мировой «Хронике», составленной в Антиохии Иоанном Малалой, получившей большую популярность как в византийской историографии, так и, благодаря переводам, — в славянской культуре.¹³⁷ Константин якобы принял решение о собственном обращении во время войны против варваров — на Западе, — которую он уже проигрывал;¹³⁸ во сне ему якобы явился крест со словами: «Сим победиши». После победы Константин якобы отправился в Рим, приказав закрыть языческие храмы и попросив крещения у Сильвестра вместе с матерью Еленой и большим числом жителей города. Крещение помещено в контекст, подчеркивающий правильность его совершения (пост и наставление) и торжественность (император принимает крещение вместе с матерью, родственниками и свитой).¹³⁹ Но хронограф не воспринимает ни одного из повествовательных элементов, собственных «Деянию»; в контексте повествования о смерти императора, в свою очередь, указывается с точностью ее место, хотя не упоминается крещение.¹⁴⁰

Малала, однако, был новатором, поскольку внес в хронографическую традицию легенду о Сильвестре. В остальном он представил именно в Константине императора идеального, победоносного, миротворца и основателя Константинополя;¹⁴¹ Никейский собор занимает мало места в его «Хронике»: автор ограничился упоминанием о том, что в нем участвовали 318 епископов и присутствовал Евсевий Памфилов.¹⁴²

Через несколько лет другой антиохиец, лично вовлеченный в доктринальные споры, вельможа императоров Тиберия и Маврикия Евагрий Схоластик, в своей «Церковной истории» снова изложил сюжет о Никомидийском крещении. Его повествование объясняло обращение Константина с учетом как обвинений со стороны языческой традиции (он читал о них у Зосимы), так и порожденных им сложных доктринальных вопросов.¹⁴³ Против языческой версии, связывавшей обращение с потребностью очиститься после приказа убить

¹³⁷ Iohannis Malalae Chronographia (ed. I. Thurn). Berlin; New York (C. F. H. B. 35), 2000; *Jeffreys E., Jeffreys M., Scott R.* The Chronicle of John Malalas: a Translation. Melbourne, 1986; *Gnoli T.* Costantino in Giovanni Malala // *Bizantinistica*. 2003. Vol. 2, N 5. 205 ss.

¹³⁸ Малала не упоминает ни Максенция, ни Лициния.

¹³⁹ Malalas 13, 2 (B 317, 12—16): «постившись и наставление получив, Константин крещен был от Сильвестра, епископа Римского, сам он, мать его Елена, родичи их и друзья (...) и иные римляне. Так император христианином соделался»; ср.: *Scott*. The image of Constantine, cit. (сн. 119). P. 59.

¹⁴⁰ Malalas, 13, 13: «По прошествии времени малого император Константин умер в Никомидии Вифинской, будучи шесть дней болен, во время торжественного хода, в предместии Анкироном называемом, невядалеке от града, до того как постройкою была закончена в Антиохии Великой сирийской церковь великая, творение великое и восхитительное. Умер в шестьдесят пять лет возраста своего, как вещи сии в мудрейшем Хронографе Несторовом писаны обо всех временах ниженазванных императоров».

¹⁴¹ Об отношениях с его источниками, и в частности с Феодором Анагностом (Чтецом), пресвитером Св. Софии Константинопольской, который несколькими годами ранее упоминал о Никомидийском крещении (Theod. Lect. 51), см.: *Jeffreys E.* Malalas' sources // *Studies in John Malalas*. Sydney, 1990. 178 s.

¹⁴² Malalas 13, 12; ср.: *Scott*. The image of Constantine, cit. (сн. 120). P. 60; *Beaucamp J.* Rome et Constantinople dans les chroniques universelles byzantines // *Politica retorica e simbolismo del primato: Roma e Costantinopoli*, cit. (сн. 49). 320 s.; *Gnoli*. Costantino in Giovanni Malala, cit. (сн. 137). P. 213.

¹⁴³ *Euagr.* Hist. eccl. 3, 40—41 (PG 86, 2, 2692 = Bidez — Parmentier 144); ср.: *Paschoud F.* s. v. Zosimos // *R. E. X. A.* 1972. 836 s.

сына Криспа, Евагрий использовал «Церковную историю» Евсевия, откуда он заимствовал известие о том, что император был христианином с самого начала правления. В отношении же никейского православия Константина он привел не известие о крещении, совершенном Евсевием Никомидийским в момент смерти, а версию Феодорита, специально процитированного, согласно которой Константин в последние минуты своей жизни вознамерился призвать Афанасия.¹⁴⁴

Причины того, почему Евагрий для создания образа Константина — поборника Никейского Символа веры не прибег к версии крещения от Сильвестра, уже пользовавшейся доверием в его время,¹⁴⁵ нужно искать в выборе источников — Евсевия и синоптиков, — а также в одном точно определяемом обстоятельстве. Он должен был напрямую столкнуться с исторической традицией языческого толка, именно в этот момент сплотившейся вокруг Зосимы.¹⁴⁶

«Пасхальная хроника» отмечает под 311 г. обращение Константина накануне войны против Максенция, связывая его с видением креста; затем останавливается на 325 г., вводя отступление, чтобы рассчитать временную дистанцию между этим годом и основными событиями библейской традиции; потом подчеркивает именование Константинополя в честь своего основателя, рассказывая, наконец, о «славной и благочестивой» смерти императора в 337 г., определяя его как «трижды блаженного». В том же контексте «Хроника» упоминает крещение, совершенное Евсевием Никомидийским (которому приписывает полученный им впоследствии чин епископа Константинопольского).¹⁴⁷ Возвращается также тема «единовластия», восстановленного после победы над Лицинием, но она связывается с **обращением, а в особенности — с уничтожением идолов, изъятием имущества храмов и решением основать Константинополь.**¹⁴⁸

Свидетельства распространения легенды о Сильвестре на Западе после «*Decretum Gelasianum*» («Декрета Геласиева») весьма редки, но показательны свидетельство Григория Турского (539—595): король франков Хлодвиг (482—511), обратившийся вместе со своим народом в 498 г., награжден от него эпитетом «*novus Constantinus*» («новый Константин»), с **явной отсылкой к Сильвестровой легенде:** «*Procedit novus Constantinus ad lavacrum, deleturus leprae veteris morbum, sordentesque maculas gestas antiquitus recenti latice deleturus*» («К купели

¹⁴⁴ *Euagr. Hist. eccl.* 3, 41.

¹⁴⁵ Действительно, традиция, связанная с крещением от Сильвестра, уверенно прослеживается только в одном сирийском кратком изложении «Истории церковной», составленной Захарией Ритором около 492 г., поэтому невозможно быть также уверенным, что Евагрий прочел это известие в своем источнике. Ср.: *Brooks E. W. Historia ecclesiastica Zachariae Retori vulgo adscripta // CSCO. Scriptores Syri.* 3, 5. Lovanii, 1924, cap. 7; *Allen P. Zachariah Scholasticus and the Historia Ecclesiastica of Evagrius Scolasticus // Journal of Theological Studies.* 1980. Vol. 31. P. 471—488.

¹⁴⁶ Ср.: *Paschoud. Zosime. Histoire nouvelle*, cit. (сн. 35). P. 498—518.

¹⁴⁷ *Chronicon Paschale ad a. 337:* «Константин (...) в Никомидию пришел, славно и благочестиво из жизни иступил в предместьи некоем сего града, в день первый на десять месяца Артемисия, крещение спасения от Евсевия, епископа Константинопольского, восприяв, после тридцати одного лета и десяти месяцев царствия своего». Среди различных статей, касающихся Константина, встречается также убийство Криспа: 532, 8—12 Dindorf; ср.: *Kazhdan. Constantin imaginaire*, cit. (сн. 3). 198 s.

¹⁴⁸ *Chronicon Paschale* 517, 21—23; 520, 13—20; 521, 15—21; 528, 1—3 Dindorf.

новый Константин подступает, от ветхой болезни проказы да очистится, мерзвущих пятен деяний древних водою новой да очистится».¹⁴⁹

На рубеже VI и VII вв. Григорий Великий создал идеализированный образ Константина, вырванный из противоречивых исторических контекстов, образ «первого и лучшего из князей христианских», стража веры (*piissimus*)¹⁵⁰ и, прежде всего, почтительного к церковной юрисдикции, поскольку он якобы отказался от суда над епископами. Это поведение, появляющееся уже в историографии IV и V вв., принимает у Григория парадигматический характер:¹⁵¹ «...cum piae memoriae Constantino principi scripto oblatae accusationes contra episcopos fuissent (...) libellos quos acceperat incendit dicens: Vos dii estis, a vero Deo constituti. **Ite et inter vos causas vestras disponite, quia dignum non est ut nos iudicemus deos**» («...когда же блаженной памяти Константину обвинения против епископов принесены были, (...) книжонки, кои принял, сжег, говоря: вы боги есте, от Бога истинного установленные. Ступайте и между вами дела ваши располагайте, ибо недостойно есть, чтобы мы богов судили»)¹⁵²

В некоторых его письмах пара (*iunctura*) Константин-Елена выдвигается в качестве образца для короля англов Этельберта и королевы Берты, дабы та, как Елена, была способна сохранять живую веру в сердце супруга.¹⁵³ Так же он поступил в отношении Фоки и Леонтии по случаю торжественного внесения образов императорской четы в базилику св. Иоанна в Латеране, место постоянного престола епископа Римского, 25 апреля 603 г.¹⁵⁴

¹⁴⁹ *Greg. Tur. Hist. Franc.* 2, 31 (Monumenta Germaniae Historica. SS res Merov. I 1,77); *Steinen W. v. d. Clodwis Übertritt zum Christentum. Eine quellenkritische Studie.* Darmstadt, 1963; *Simonetti M.* Qualche osservazione sul rapporto fra politica e religione in Gregorio di Tours // *La storiografia ecclesiastica nella tarda antichità: Atti del Convegno di Erice* (3–8 dicembre 1978). Messina, 1980. P. 27–43; *Aiello.* Cassiodoro e la tradizione su Costantino, cit. (сн. 103). P. 134; *Canella.* Gli Actus Silvestri, cit. (сн. 102). P. 20.

¹⁵⁰ *Greg. Magn. Ep.* XI, 37, ll.19–25: «Sic enim Costantinus quondam piissimus imperator Romanam rempublicam a perversis idolorum cultibus revocans omnipotenti Deo Domino nostro Iesu Christo secum subdidit seque cum subiectis populis tota ad eum mente convertit. Unde factum est ut antiquorum principum nomen suis vir ille laudibus vinceret et tanto in opinione praecessores suos, quanto et in bono opere superaret».

¹⁵¹ *Rufin. Hist. eccl.* 1, 8, 20; *Sozom. Hist. eccl.* 1, 17, 5; cp.: *Saitta B.* Gregorio Magno e la primazia della sede romana // *Politica retorica e simbolismo del primato: Roma e Costantinopoli*, cit. (сн. 49). 1. 252 s.; *Rizzo F. P.* Aspetti dell'epistolario siciliano di Gregorio Magno nel contesto della tensione romano-bizantina // *La Sicilia nella tarda antichità e nell'alto medioevo: Religione e società: Atti del Convegno di Studi. Catania-Paternò*, 24–27 settembre 1997. Soveria Mannelli, 1999. P. 66.

¹⁵² *Greg. Magn. Registrum epistularum* 5, 36 Norberg.

¹⁵³ *Greg. Magn. Ep.* XI, 35, ll. 11–15 (anno 601): «Nam sicut per recordandae memoriae Helenam matrem piissimi Constantini imperatoris ad christianam fidem corda Romanorum accendit, ita et per gloriae vestrae studium in Anglorum gentem eius misericordiam confidimus operari». Cp.: *Linder.* The Myth of Constantine the Great in the West, cit. (сн. 3). 88 ss.; *Markus R.* Gregorio Magno e il suo mondo. Milano, 2001. P. 189; *Lizzi Testa R.* Il cristianesimo nelle città, il cristianesimo nelle campagne: evangelizzatori ed evangelizzati in Italia (IV–VI secolo d. C.) // *Quid sit christianum esse: Le problème de la christianisation du monde antique: Colloque organisé par H. Inglebert, Bruno Dumézil et Sylvain Destephen à l'Université de Paris X-Nanterre*, les 26–27–28 mai 2008, in c. di s.

¹⁵⁴ *Greg. Magn. Ep.* XIII, 32 Phocae Augusto; XIII, 40 Leontiae Augustae: «Sed dat nobis in vestra pietate Pulcheriae Augustae clementiam, quae pro zelo catholicae fidei in sancta synodo Helena nova vocata est». Сходство с франкскими государями в письмах не упоминается. О почитании св. Елены, первоначально связанном с почитанием Святого Креста, а потом св. Константина, см.: *Sordi M.* La tradizione dell' inventio crucis in Ambrogio e in Rufino // *Rivista di Storia della Chiesa in Italia.* 1990. Vol. 44. 1 ss.; *Drijvers J. W.* Helena Augusta: The Mother of Constantine the Great and the Legend of Her Finding of the True Cross. Leiden; New York, 1992. P. 79; 84 ss.; *Consolino F. E.* La 'santa' regina da Elena a Galla Placidia, cit. (сн. 55). 471 ss.; *Piredda A. M.* La santità di Elena in occidente tra Tardoantico e Altomedioevo // *Poteri*

Составляя в 615—618 гг. свою «Летопись» («Хронику») на основе «Хроники» Иеронима,¹⁵⁵ Исидор Севильский, «последний отец Церкви западной», авторитетный свидетель вестготской культуры, еще правильно привел известие о крещении, совершенном в Никомидии Евсевием, добавив от себя замечание, что Константин Великий «начал хорошо, а кончил плохо» («aveva iniziato bene e finito male»). Однако он лично вмешался в повествование, отстранившись от этого известия, определив его как ложь, вымышленную врагами католической церкви.¹⁵⁶ Использованный им прием показателен: хотя летописцы, историки и ученые сохраняли различными способами память об историческом крещении (от Евсевия), все же отправной точкой для идейных и политических сопоставлений было крещение от Сильвестра.¹⁵⁷

Свидетельством тому — церемониал, устроенный Константином II Погонатом по случаю своего прибытия (*adventus*) в Рим 15 июля 663 г., чтобы затем отправиться в Сиракузы с намерением (впоследствии жалким образом провалившимся) перенести на Запад престол империи. Император, облеченный всеми символами «нового Константина», подвергся ритуальному очищению в Латеране, чем намеревался возобновить крещение Константина Великого от рук Сильвестра.¹⁵⁸ Это показывает, что образец Константина оставался незаменимым как в политическом плане, так и в доктринально-религиозном. В этом особом случае взаимоотношения Константина и Сильвестра давали идейное обоснование предпринятому «бегству с Востока» и возвращению к истокам, т. е. к Риму, самой императорской власти.

Но уже через столетие связь Константина и Сильвестра будет признана и при константинопольском дворе в момент тяжелого кризиса авторитета и согласия по случаю Второго Никейского собора 787 г. Тогда «Деяние Сильвестровово» («*Actus Sylvestri*») официально насаждалось в Константинополе в поддержку политики императрицы Ирины, которая пожелала подорвать, хотя и не преуспела в этом, иконоборческую политику Византийской империи и восстановила согласие с Римом, одоблив сосредоточение дискуссии на документах, присланных Адрианом I, и открыто признав главенство Рима над всей Церковью.¹⁵⁹

religiosi e istituzioni, cit. (сн. 11). P. 305—323; *Pitsakis*. L'idéologie impériale et le culte de Saint Constantin, cit. (сн. 13). 274 ss.

¹⁵⁵ *Fontaine J.* Isidore de Séville et la culture classique dans l'Espagne wisigotique. Paris, 1983².

¹⁵⁶ Chron. VII // Monumenta Germanie Historica. AA XI 466 s. a. 334: «Constantinus autem in extremo vitae suae ab Eusebio Nicomediensi episcopo baptizatus in Arrianum dogma convertitur. heu pro dolor! bono usus principio et fine malo»; ср.: *Ewig*. Das Bild Constantins des Großen, cit. (сн. 3). 24 s.; *Aiello*. La fortuna della notizia geronimiana su Costantino «eretico», cit. (сн. 1). P. 233; *Grünwald Th.* Constantinus novus, cit. (сн. 3). 471 s.

¹⁵⁷ Св. Альдгелм, епископ Шерборнский, в конце VII в. представил крещение от Сильвестра в сочинении «*De laudibus virginitatis*» (XXV, в: Monumenta Germanie Historica, AA 15,1, p 257 ss.). Аналогичное и современное представление пары Константин–Сильвестр присутствует у Беды Достопочтенного (Hist. eccl. gentis Anglor. // PL. T. 90. Col. 556).

¹⁵⁸ L. P. 78 Vitalianus // Monumenta Germanie Historica. 187; ср.: *Gregorovius F.* Storia di Roma nel medioevo / Ediz. a cura E. Pais. Torino, 1926. Vol. 3, N 1. 393 ss.; *Maisano R.* La spedizione italiana dell'imperatore Costante II // Sicularum Gymnasium. 1975. Vol. 28. 140 ss.; *Corsi P.* Costante II in Italia // Quaderni medievali. 1978. Vol. 5. 105 s.; *Ruggini Cracco L.* Costante II, l' Anticostantino // Scritti in memoria di Fulvio Grosso. Roma, 1981. 543 ss.; 555; *Aiello*. Costantino, la lebbra e il battesimo di Silvestro, cit. (сн. 3). P. 18.

¹⁵⁹ *Lamberz E.* Studien zur Überlieferung der Akten des VII. Ökumenischen Konzils: der Brief Hadrians I. an Konstantin VI. und Irene (JE 2448) // Deutsches Archiv für Erforschung des Mittelalters. 1997.

В письме, которое Адриан I послал императору Константину VI и его матери Ирине 26 октября 785 г., им присваивались титулы «нового Константина» и «новой Елены» и подчеркивалось известие, содержащееся в «Деянии Сильвестровом» («Actus Sylvestri»), о том, что Сильвестр якобы поклонялся иконам Петра и Павла. Впоследствии письмо было внесено в Деяния Второго Никейского собора, и в таком качестве его содержание было утверждено 23 октября 787 г., когда император Константин VI и его мать Ирина поставили свои подписи под решениями собора.¹⁶⁰

Тот факт, что иконы, показанные Сильвестром, якобы позволили Константину узнать Петра и Павла в двух явившихся ему во сне фигурах,¹⁶¹ становился решающим аргументом в пользу иконопочитания. Это происходит не столько в силу предполагаемого сходства между апостолами и сохраняемыми Римской церковью IV в. их образами, сколько из-за подчеркиваемой связи между основополагающим моментом новой эры (крещением Константина) и культом священных образов. С этого момента Восток пользовался только версией крещения от Сильвестра и устранил как из официальных текстов, так и из историографической традиции упоминание крещения в Никомидии. Последовательное и распространенное отражение нового курса предания о Константине наблюдается и в литургии.¹⁶²

Но Второй Никейский собор не решил всех насущных разногласий между папством и константинопольским патриаршеством и не встретил полного принятия на Западе. Король франков Карл Великий, которого Адриан I определил в 778 г. как «нового христианнейшего Божия императора Константина» («novus christianissimus Dei Constantinus imperator»),¹⁶³ отреагировал на политический компромисс Второго Никейского собора и занял отличную от него позицию. Он отмежевался как от иконоборчества, так и от иконопочитания, заставив Франкфуртский собор осудить последнее в 794 г.¹⁶⁴ И все же «Деяние Сильвест-

Вд. 53. S. 1—28, особ. 3: О письме, отправленном 26 октября 785 г., и о греческом переводе, внесенном в качестве первого документа на рассмотрение второго заседания собора, и о его многосоставном содержании (возвращение *Patrimonium Petri* в Южной Италии, возвращение Калабрии, Сицилии и Иллирии под юрисдикцию папы, утверждение превосходства Римской церкви, отказ в титуле патриарха Константинопольского Тарасию, восхваление Карла Великого) см.: *Maccarrone M.* Il papa Adriano I e il concilio di Nicea del 787 // *Annuario historiae conciliorum.* 1988. Т. 20. 55 ss.; 82 ss.

¹⁶⁰ *Acta conciliorum oecumenicorum.* 12, 1. 1056—1060; ср.: P. L. 96, 1215—1234, Epistola LVI ad Constantinum et Irenem; *Ewig.* Das Bild Constantins des Großen, cit. (сн. 3). S. 6; *Kazhdan.* Constantin imaginaire, cit. (сн. 3). P. 248; *Maccarrone.* Il papa Adriano I, cit. (сн. 159). 92 ss.; 98; *Ladner G.* I ritratti dei papi nell'antichità e nel Medioevo. I. Città del Vaticano, 1941. P. 109 (портрет Адриана I в церкви св. Марии Древней (S. Maria Antiqua) включает и изображение св. Сильвестра).

¹⁶¹ *Actus Sylvestri* 162—169: «[Augustus dixit] peto utrum hos istos apostolos habet aliqua imago expressos, ut in ipsis lineamentis possim agnoscere hos esse, quo me revelatio docuisset... tunc sanctus Sylvester iussit diacono suo ut imaginem apostolorum exhiberet...»; ср.: *De Leo.* Ricerche sui falsi medioevali, cit. (сн. 110). P. 165.

¹⁶² *Luzzi A.* Il 'dies festus' di Costantino il Grande e di sua madre Elena nei libri liturgici della Chiesa greca // Costantino il Grande. Dall'Antichità all'Umanesimo, cit. (сн. 3). 585 ss.; *Pohlkamp.* Textfassung, cit. (сн. 102). 1130 s.; *Zanetti U.* Costantino nei calendari e sinassari orientali // Costantino il Grande: Dall'Antichità all'Umanesimo, cit. (сн. 3). 893 ss.

¹⁶³ *Codex Carolinus.* 60 // *Monumenta Germaniae Historica. Epistolae Merovingi et Carolini aevi.* Т. 1. P. 587; ср.: *Maccarrone.* Il papa Adriano I, cit. (сн. 159). P. 55.

¹⁶⁴ *Libri Carolini* (Opus Caroli regis contra synodum). 2, 13 // *Monumenta Germaniae Historica. Concilia*, II, Suppl. 1. Hannover, 1998. 259 ss.: «...dicunt beatum Silvestrem (<...>) apostolorum imagines Constantino imperatori detulisse, cum tamen eas non legatur adorare iussisse». С одной стороны, выяснились

рово» («*Actus Sylvestri*») оставалось в центре внимания как канонический документ, включенный в «Декрет Геласиев» («*Decretum Gelasii*»), и король франков сослался на него, утверждая, что Сильвестр действительно показал образы апостолов Петра и Павла, но не требовал от Константина их почитания.¹⁶⁵

Возможность истолкования модели Константина с оглядкой на Рим и папство заставила Карла Великого упорствовать в принятии этой символики также в связи со своим коронованием в 800 г.¹⁶⁶ Однако в постоянном противостоянии папства и франков возникали спорадические отсылки к Константину, среди которых кажется значимым странное коронование малолетнего императора Людовика Благочестивого. Совершенное папой Стефаном IV 5 октября 816 г. в Реймсе, оно заключалось в возложении на голову императора короны, нарочно привезенной из Рима и якобы принадлежавшей Константину Великому.¹⁶⁷

В «Летописании» («*Chronographia*») (от Диоклетиана до Михаила I Рангаве: 284—813), составленном Феофаном Исповедником во время изгнания, вызванного возвращением к иконоборчеству Льва V Армянина (поместный собор в Св. Софии 815 г.), фигура Константина получает особо значимую трактовку, показательную во многих отношениях.¹⁶⁸ Феофан выдвинул противопоставление «официальной» версии крещения, от Сильвестра, отнесенного ко времени «до Никейского собора»,¹⁶⁹ и версии крещения, совершенного в Никомидии

случаи неверного перевода текстов с греческого на латынь, а с другой — франкские теологи упорствовали в различении почитания икон и поклонения им; но франкскому королю было выгодно держаться особняком даже от Рима. Ср.: *Arnaldi G.* Alle origini dei poteri temporali dei papi: riferimenti dottrinari, contesti ideologici e pratiche politiche // *Storia d'Italia: Annali.* Torino, 1986. Vol. 9. P. 47—71; *Pohlkamp.* Textfassungen, cit. (сн. 102). S. 129; *Becher M.* 1) Karl der Große. München, 1999; на итал. яз.: Carlo Magno. Il Mulino. Bologna, 2000. 82 ss.; 2) Costantino il Grande, l'incoronazione imperiale nell'816 e le relazioni tra papato e Franchi dopo la prima metà del secolo VIII // *Costantino il Grande tra medioevo ed età moderna*, cit. (сн. 3). P. 33.

¹⁶⁵ Libri Carolini. 14, 13, 73, 32: «*Libro igitur actuum beati Silvestri, ubi de imaginibus Constantino imperatori delatis scribitur, ideo obniti potest, quia, quamquam a pluribus catholicis legatur, non tamen ad ea, quae in quaestionem veniunt, adfirmanda plene idoneus perhibetur. Quod in libro beati Gelasii (...)* apertius demonstratur». Эта позиция не привела к кризису отношений Адриана I с франками, от которых он мог получить то, чего Византия дать ему была не в силах; в свою очередь его преемник (с 795 г.) Лев III в борьбе с римской аристократией находил в отношениях с Карлом Великим поддержку и причину для легитимации своей власти. По его прибытии в Рим он короновал его как императора, единого императора римлян и христиан (25 декабря 800 г.). «*Constitutum Sylvestri*» упоминается еще в одном документе Карла Великого первого десятилетия IX в.; ср.: *Alimone P. V.* Gli autori delle falsificazioni simmachiane, cit. (сн. 116). P. 59.

¹⁶⁶ *Becher M.* 1) Karl der Große und Papst Leo III: Die Ereignisse der Jahre 799 und 800 aus der Sicht der Zeitgenossen // 799 — Kunst und Kultur der Karolingerzeit. Karl der Große und Papst Leo III. in Paderborn: Katalog der Ausstellung Paderborn / Hrsg. von C. Stegemann, M. Wemhoff. Mainz, 1999. Bd. 1. S. 22—36; 2) Die Kaiserkrönung im Jahr 800: Eine Streitfrage zwischen Karl dem Großen und Papst Leo III. // *Rheinische Vierteljahrsblätter.* 2002. Bd. 66. S. 1—38; *Zug Tucci H.* Le incoronazioni imperiali nel Medioevo // *Per me reges regnant: La regalità sacra nell' Europa medievale.* Bologna, 2002. P. 119—136; *Becher.* Costantino il Grande, cit. (сн. 164). 34 s.

¹⁶⁷ *Becher.* Costantino il Grande, cit. (сн. 164). P. 9—44; in partic. 9 ss. (здесь ссылка на сочинение: *Ermoldus Nigellius.* In honorem Hludowici. 2. 423 ss. // *Monumenta Germaniae Historica. Poetae.* Hanover, 1884. Vol. 2. P. 36: «...Tum iubet adferri gemmis auroque coronam, / Quae Constantini Caesaris ante fuit» (и замечание, что «*Liber pontificalis*» не зафиксировала этого эпизода); 39 ss. (о сложности политической ситуации и о постоянной подозрительности франкских императоров).

¹⁶⁸ *Scott R.* 1) The Classical tradition in Byzantine historiography // *Byzantium and the classical tradition.* Birmingham, 1981. 69 ss.; 2) The image of Constantine, cit. (сн. 120). 62 ss.

¹⁶⁹ *Theoph.* Chron. AM. 5814: «В том году (321/2), как говорят, Константин Великий со своим сыном Криспом крещен был в Риме Сильвестром».

Евсевием, очернив его как арианское измышление.¹⁷⁰ Это — значимое свидетельство роли, которую «Деяние Сильвестро» («Actus Sylvestri»), помещенное среди документов Второго Никейского собора, получило в Константинополе на уровне вероучения и идеологии.

Феофан не стер память о крещении в момент смерти, совершенном Евсевием Никомидийским, но доверился версии крещения от Сильвестра, подробно излагая ее в повествовательном плане (крещение вместе с Криспом, упоминание крестильной купели как памятника)¹⁷¹ и, главным образом, разворачивая вокруг нее исторические и доктринальные доказательства. Изложив свой тезис: «По мнению моему, более вероятно, что истинно, что он от Сильвестра в Риме крестился»,¹⁷² он выстраивал подробную систему доказательств, где основывался на исторической аргументации (подложности письма Константина к Мильтиаду)¹⁷³ и доктринально-дисциплинарной, т. е. если бы Константин не был крещен, то не смог бы участвовать в Никейском соборе.¹⁷⁴ Поэтому Феофан также брал за основу датировки крещения Никейский собор и снова выдвигал идейную связь, которая, в силу своей ложности в историческом плане, показательна как свидетельство первенства доктринальной верности перед исторической правдой.

В «Хронике» Георгия Мниха (прозванного Амартол, *Amartolos*), повествующей о событиях от Адама до 843 г. (первого года царствования Михаила III), Константину отведено обширное пространство.¹⁷⁵ Обращение изложено согласно преданию «Деяния Сильвестро» в том, что касается видения Петра и Павла, приема, уготованного Сильвестру в Риме, и узнавания апостолов, явившихся во сне, благодаря иконам, показанным одним диаконом.¹⁷⁶ Среди источников, использованных в разделе о Константине, помимо хроник Малалы и Феофана, Георгий Мних открыто назвал Евсевия Кесарийского.¹⁷⁷ Изложение, касающееся Константина, начинается с событий наследования отцу и с обряда крещения, совершенного Сильвестром над Константином и всеми его домо-

¹⁷⁰ AM. 5814: «На Востоке, с другой стороны, говорят, что он крещен был на своем смертном одре в Никомидии арианом Евсевием Никомидийским, где смерть его приключилась»; 5828: «Некоторые ариане говорят, что он получил святое крещение от рук Евсевия Никомидийского, который затем в Константинополь перебрался».

¹⁷¹ *Quednau R.* Costantino il Grande a Roma. Forme e funzioni della memoria nelle testimonianze visive da ponte Milvio a Mussolini // Costantino il Grande tra medioevo ed età moderna, cit. (сн. 3). P. 315.

¹⁷² Исключительность этого выступления от первого лица со стороны Феофана подчеркивается здесь: *Scott.* The image of Constantine, cit. (сн. 120). P. 64.

¹⁷³ *Theoph. Chron.* a. m. 5814. La lettera che Costantino invia nel maggio del 313 a Milziade, vescovo di Roma (311—314), è conservata // *Euseb. Hist. eccl.* 10, 5, 18—20; cp.: *Niceph. Callist. Hist. eccl.* 7. P. 43.

¹⁷⁴ *Theoph. Chron.* AM. 5814: «Gli abitanti dell'antica Roma preservano ancora oggi il fonte battesimale come evidenza che egli fu battezzato a Roma da Silvestro dopo aver sconfitto i tiranni. Gli Orientali, d'altro canto, dicono che egli fu battezzato sul suo letto di morte a Nicomedia dall'ariano Eusebio di Nicomedia (...) Nella mia opinione è più probabile che sia vero che egli sia stato battezzato da Silvestro a Roma e che i decreti indirizzati a Milziade ascritti a lui siano invenzioni ariane. Se egli non fosse stato battezzato, al concilio di Nicea non avrebbe potuto prendere parte ai sacramenti e unirsi alle preghiere dei santi Padri, cosa che è molto assurda a dire e a considerare»; cp.: *Girardet.* Die Teilnahme Kaiser Konstantins am Konzil von Nicaea, cit. (сн. 16). S. 43.

¹⁷⁵ *Georgii Monachi. Chron.* 485—533 De Boor = 382—436 M.

¹⁷⁶ Греческий текст: *Georgii Monachi. Chron.* 485—7 De Boor = 383—384 M полностью совпадает с текстом «Actus Sylvestri», в этой части заимствованным из «Constitutum Constantini»; cp.: *De Leo.* Ricerche sui falsi medievali, cit. (сн. 110). P. 53—57.

¹⁷⁷ *Georgii Monachi. Chron.* 488 De Boor = 387 M: по поводу победы над Максенцием.

чадцами, в том числе — и над Еленой.¹⁷⁸ Затем следует битва против Максенция под Римом, связанная с явлением креста.¹⁷⁹

Но в главах, где Георгий Мних повествовал о смерти Константина в Никомидии, он не смог уклониться от упоминания также и той традиции, по которой Константин якобы крестился в момент смерти, однако подчеркнуто отверг ее, приведя ряд аргументов в пользу ее неправдоподобия.¹⁸⁰

Для Фотия время историографических размышлений совпало с уходом со сцены доктринальных и политических конфликтов. Патриарх Константинопольский в 858 г. стал решительным сторонником связи патриаршества и императора Константинопольского в доктринальном и дисциплинарном противопоставлении Риму. Смещенный с приходом Василия Македонянина, он не отказался от своих притязаний,¹⁸¹ но был окончательно отправлен в изгнание императором Львом VI, который поставил на константинопольскую кафедру брата Стефана. Глубокий знаток традиции, шедшей от Евсевия, Фотий выделил версию крещения Константина в Никомидии, постаравшись заметить, что она не включала столь уж ясного указания на то, кто же совершил обряд («...Константин Великий в Никомидии крестился. Кто же крестил его, отнюдь не ясно»)¹⁸².

Будучи в состоянии черпать сведения из историографической традиции, хранившей память о событиях, он отверг легенду о Сильвестре, — и в то же время пожелал сохранить никейское православие Константина, избегая упоминания о Евсевии Никомидийском. Он даже, возвращаясь к контексту, связанному с Геласием, снова воспользовался случаем уточнить, что Константин принял крещение от православного, а не от арианина.¹⁸³

«Карловы книги», Феофан и Фотий являют различные примеры изображения Константина после одобренного Вторым Никейским собором принятия в качестве канонического идейного единства Сильвестра и Никеи. Действительно, с 787 г. отношения между исторической правдой и требованиями начетнических формулировок касательно религиозной политики Константина Великого перестроились настолько, что даже верные исторические сведения,

¹⁷⁸ *Georgii Monachi. Chron.* 485—487 De Boog = 382—386 M.

¹⁷⁹ *Georgii Monachi. Chron.* 487—9 De Boog = 387—388 M. Постановка известия о крещении на первое место создает бессвязность в хронологическом плане, поскольку получается, что Константин принял Сильвестра на Палатине в Риме еще до победы над Максенцием и до вступления в город.

¹⁸⁰ *Georgii Monachi. Chron.* 525—526 De Boog = 428—430 M.

¹⁸¹ Патриархат Фотия, признанного в мае 861 г., был отвергнут, когда папа Николай II узнал об обстоятельствах избрания; Фотий снова принял патриархат по смерти Игнатия и в 879 г. даже добился римского священного престола, но согласие это продлилось недолго, поскольку папа Иоанн VIII отлучил его от церкви в 881 г. И все же Фотий остался на патриаршей кафедре, так как император Василий, укрепив свои позиции в южной Италии, более не нуждался в союзе с римским понтификом.

¹⁸² *Phot. Bibl. cod.* 127, 2 Henry. P. 100.

¹⁸³ *Phot. Bibl. cod.* 88, 67a, 2 Henry. P. 14: «Он говорит, что (Константин) получил крещение по почину и исполнению некоего православного, а не, как некоторые утверждают, от рук еретика». По прошествии пяти веков также Никифор Григора, даже зная и используя евсевиянскую традицию, предпочел обойти молчанием известие о крещении. Ср.: *Fusco F. Costantino in Niceforo Gregora // Costantino il Grande: Dall'Antichità all'Umanesimo*, cit. (сн. 3). P. 443.

доступные Феофану и Фотию, должны были корректироваться в соответствии с формулировкой, принятой папой Адрианом I и подкрепленной подписью императора Константина VI.

Тем временем другой знаменитый ложный исторический сюжет — «Константинов дар», — возникший из «Деяния Сильвестрова», начал свою неудержимую эволюцию от мифа к догме через ложно приписываемые Исидору Декреталии (около 850 г.).¹⁸⁴ «Дар» тоже был результатом сближения агиографии и насущной политики: происходило дальнейшее прославление Сильвестра и подчеркивалась харизматическая роль папы, при этом особое внимание уделялось Западу.

Прежде всего, нужно напомнить, что среди предположений о среде, в которой был составлен «Дар Константинов», удовлетворительным представляется то, согласно которому ее можно отождествить с монастырем св. Сильвестра *in capite (на главе)*.¹⁸⁵ Это подтверждается перенесением мощей св. Сильвестра из Рима в монастырь Нонантолы в 756 г. и основанием в 761 г. трудами Павла I монастыря «*in honorem s. Stephani papae scilicet et martyris, nec non et beati Silvestri pontificis et confessoris Christi*» («в честь св. Стефана папы, надобно думать, и мучеников, а также блаженного Сильвестра понтифика и исповедника Христова»), в подтверждение преимущественного внимания к памяти Сильвестра.¹⁸⁶

В этой памяти важное место занял другой образ, с более действенной и прямой идейной и политической функцией, имевший впоследствии богатую иконографию: образ Константина как конюшего (*strator*) папы Сильвестра (*Constit. Const.* 16, p. 92: «...et tenentes frenum equi ipsius pro reverentia beati Petri stratoris officium illi exhibuimus» («...и, держа узду коня его из почитания блаженного Петра, конюшего должность ему указуем»)). Он был также вынесен на своеобразную сцену в церемониале, представленном, согласно «Книге пап» («*Liber pontificalis*»), 6 января 754 г. по случаю встречи короля франков Пипина и папы Стефана II в замке Понтион.¹⁸⁷

В случае «Константинова дара» («*Constitutum Constantini*») и его следствий речь также шла о придании агиографического облика исторической действительности, заключавшейся в том, что папство обрело политическую само-

¹⁸⁴ Fuhrmann H. 1) Das Constitutum Constantini // Monumenta Germaniae Historica. Fontes iuris Germanici antiqui. 1968. Т. 10; 2) Das frühmittelalterliche Papstum und die konstantinische Schenkung // I problemi dell'occidente nel secolo VIII: Settimane di Studio di Spoleto, 1972. Spoleto, 1973. P. 257—292; De Leo. Ricerche sui falsi medioevali, cit. (сн. 110). 5 ss.; Conetti M. L'origine del potere legittimo. Spunti polemici contro la donazione di Costantino da Graziano a Lorenzo Valla. Parma, 2004; Vian G. M. La Donazione di Costantino. Bologna, 2004.

¹⁸⁵ Возможно, ее авторами стали монахи-вавилоняне, спасшиеся от иконоборческого кризиса. Ср.: De Leo. Ricerche sui falsi medioevali, cit. (сн. 110). 57 s.

¹⁸⁶ L. P. I. P. 149. О возможности использования Адрианом I «Actus Sylvestri», а не «Constitutum Constantini» см.: Levison. Konstantinische Schenkung und Silvester-Legende, cit. (сн. 102). S. 365. См.: Scorza Barcellona F. Silvestro I, santo // Enciclopedia dei papi. Roma, 2000. Vol. 1. 323 ss.

¹⁸⁷ Vita Stephani. Vol. 2. C. 25. P. 447; Fuhrmann. Das Constitutum Constantini, cit. (сн. 184). 92 s.; ср.: Becher. Costantino il Grande, cit. (сн. 164). 21 ss. Здесь также ссылки франкского происхождения, которые дают иную версию отношений между двумя протагонистами и сообщают о закладке мощей св. Петрониллы в Риме, знака духовного попечительства о франках, о чем см.: Carosio G. Roma: La presenza delle assenze: Testimonianze paleocristiane e altomedievali scomparse // Il tesoro delle città. Roma, 2003. Vol. 1. 130 s.; Quednau. Costantino il Grande a Roma, cit. (сн. 171). P. 317.

стоятельность,¹⁸⁸ заново определяя основания императорской власти.¹⁸⁹ Только по прошествии времени, в данном случае — приблизительно век спустя, императорская власть тоже будет подтверждать свою подлинность через включение положения о ее юридической правомерности в Декрет Грациана.

Сопоставляя два ложных исторических документа, «Деяние Сильвестрово» и «Константинов дар», нужно, однако, заметить, что у легенды о крещении от Сильвестра известен «нотариус» (Константин IV) и точно определена дата заверения (787 г.), тогда как у «Константинова дара» момент признания подлинности и имя составителя (Паукапалеа, *Pausapalea*) остаются во тьме неопределенности.¹⁹⁰

¹⁸⁸ Le concessioni menzionate nel *Constitutum Constantini*, quali il palazzo del Laterano, la città di Roma e «le province occidentali dell' impero», hanno come *ratio* l'autonomia di Roma da qualsiasi potere imperiale; ср.: *Arnaldi G.* Il papato e l'ideologia del potere imperiale // *Nascita dell' Europa e Europa carolingia: un'equazione da verificare: XXVII Settimana di Studio sull' Alto medioevo.* Spoleto, 1981. 341 ss.; *Fried J.* Römische Erinnerung: Zu den Anfängen und frühen Wirkungen des christlichen Rommythos // *Studien zur Geschichte des Mittelalters: J. Peterson zum 65. Geburtstag.* Stuttgart, 2000. 32 ss. **О папских знаках отличия и о функции императора-конюшего («strator») см.:** *Kantorowicz E. H.* *Constantinus strator: Marginalien zum Constitutum Constantini* // *Mullus: Festschrift Th. Klauser.* Münster, 1964. 181 ss. (*Jahrbuch für Antike und Christentum*; Suppl. 1); *Marcone A.* Gli affreschi costantiniani nella chiesa romana dei Quattro Coronati (XIII secolo) // *Costantino il Grande tra medioevo ed età moderna*, cit. (сн. 3). 297 ss. (с указ. источников и библиографией); *Quednau.* *Costantino il Grande a Roma*, cit. (сн. 172). 320 ss. **О функции «strator» («конюшего») в византийском церемониале см.:** *Thomson F.* *The Intellectual Difference between Muscovy and Ruthenia in the Seventeenth Century: The Case of Slavonic Translations and the Reception in the Pseudo-Constantinian Constitutum (Donatio Constantini)* // *Slavica Gandensia.* 1995. Vol. 22. 63 ss.; *Pliukhanova M.* *La Donazione di Costantino in Russia*, cit. (сн. 3). P. 222.

¹⁸⁹ *Becher.* *Costantino il Grande*, cit. (сн. 164). 15 ss. (с подробными ссылками на отношения Пипина и папы Стефана II в 754 г. и с исчерпывающей библиографией).

¹⁹⁰ *Maffei D.* *La donazione di Costantino nei giuristi medievali.* Milano, 1964, особ. 193 ss.; *Fubini R.* *Contestazioni quattrocentesche della Donazione di Costantino: Niccolò Cusano, Lorenzo Valla* // *Costantino il Grande dall' Antichità all' Umanesimo*, cit. (сн. 3). P. 385—431, теперь в: *Fubini R.* 1) *Storiografia dell'Umanesimo in Italia da Leonardo Bruni ad Annio da Viterbo.* Roma, 2003. P. 249—290; 2) *Conciliarismo, regalismo, Impero nelle discussioni tre- e quattrocentesche sulla Donazione di Costantino* // *Costantino il Grande tra medioevo ed età moderna*, cit. (сн. 3). P. 127—152.